

БАЙТАНАЕВ БАУЫРЖАН АБИШЕВИЧ

Древний и средневековый Испиджаб

07.00.06 – Археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Республика Казахстан
Алматы, 2008

Работа выполнена на кафедре Археологии, этнологии и музейного дела ЮКГУ им. М.О.Ауезова и в отделе урбанизации и номадизма Института археологии им. А.Х.Маргулана МОН РК

Научный консультант:	академик Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор исторических наук, профессор К.М. Байпаков
Официальные оппоненты:	доктор исторических наук, профессор С.Ж. Жолдасбаев доктор исторических наук, профессор Э.В. Ртвеладзе доктор исторических наук, профессор М-Ш. Кдыр尼亚зов
Ведущая организация:	Институт археологии им. Я.Г. Гулямова Академии Наук Республики Узбекистан

Защита состоится _____ 2008 года в ____ часов на заседании диссертационного совета ОД. 53.33.01. по защите диссертации на соискание ученой степени доктора (кандидата) исторических наук при Институте истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан по адресу: 480100, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29.

С диссертацией можно ознакомиться в рукописном фонде Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан по адресу: 480100, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29.

Автореферат разослан _____ 2008 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук

А.Т. Капаева

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Многовековая история казахского народа имеет богатое культурное наследие, о чем свидетельствуют памятники истории и культуры, расположенные на территории нашей страны, среди которых особое место занимают археологические объекты. Сегодня в Казахстане, как и в любом цивилизованном обществе, культурное наследие и его богатство служит важнейшим интеграционным фактором национального и государственного самосознания. Культурное наследие является предметом пристального внимания отечественных исследователей, а знаковым для стимулирования путей его освоения стал 2003 год, когда в ежегодном послании народу Казахстана президент Н.А. Назарбаев сформулировал и озвучил задачу изучения и сохранения историко-культурного наследия.

Период с 2004 по 2006 г. был определен как время реализации задач, намеченных в программе «Культурное наследие» и явился по сути знаковым в деле сохранения и использования историко-культурного достояния страны. Проведение археологических исследований на месте древних, средневековых городищ, поселений, курганов, а также музеефикация наиболее известных памятников археологии и включение их в инфраструктурную систему туризма – важная составная часть указанной программы.

Сегодня в стране созданы реальные предпосылки для изучения тех историко-культурных объектов, которые, в силу различных обстоятельств (и в первую очередь – из-за отсутствия конкретной программы финансирования), не были исследованы ранее. Благодаря программе «Культурное наследие» стало возможным изучение древних и средневековых городов на Великом Шелковом пути, детальное рассмотрение вопросов, связанных с урбанизацией и историей оседлости казахского этноса. В настоящее время общество с большим пониманием относится к проблемам сохранения и использования историко-культурного наследия, призванного способствовать (через развитие массового туризма) повышению уровня экономики и благосостояния народа.

В свете современных задач тема проведенного изыскания *«Древний и средневековой Испиджаб»* характеризуется как актуальная, а ее рассмотрение – как своевременное.

Следует отметить, что археологические исследования во второй половине двадцатого века в самых различных регионах Евразии привели к обнаружению крупных населенных центров древнего и средневекового времени, что поставило на повестку дня вопрос об их генезисе, эволюции и функциональном определении. Кроме того, интенсивное развитие процессов урбанизации в современном мире обусловило необходимость обращения к истокам этого явления.

История городских центров Казахстана и Центральной Азии неоднократно привлекала внимание дореволюционных исследователей, прежде всего – востоковедов, доказательством чему являются работы П.П. Лерха, В.А. Жуковского, В.В. Бартольда, и др. Но труды названных авторов,

в силу количественной ограниченности письменных источников, не отличались большим охватом и масштабностью.

В советское время в различных историко-культурных областях Центральной Азии и Казахстана были проведены археологические исследования С.П. Толстовым, А.Ю. Якубовским, М.Е. Массоном, А.Н. Бернштамом, В.М. Массоном, Б.А. Литвинским, Ю.А. Заднепровским, Э.В. Ртвеладзе, Ю.Ф. Буряковым, К.А. Акишевым, К.М. Байпаковым, Л.Б. Ерзаковичем и др.

Широкие археологические изыскания в Казахстане, особенно в Отрарском оазисе, значительно расширили сведения об истории городской культуры Казахстана. Между тем, ранее известный по письменным источникам древний историко-культурный район Испиджаб, с именем которого связаны многие события и даже целые вехи истории Казахстана, длительные годы оставался без должного внимания со стороны археологической науки. Несомненно, изучение памятников археологии Испиджаба, в прошлом центра крупного средневекового административного округа, территория которого простиралась от Шаша до Кашгара, призвано дать ответ на многие ключевые вопросы генезиса и динамики развития городской культуры Казахстана.

Степень изученности темы. Данная тема разработана недостаточно глубоко. В Испиджабском историко-культурном районе проводились, в основном, исследования на памятниках археологии, имеющих хронологические рамки в пределах первого тысячелетия нашей эры¹. На городищах Сайрам и Шымкент исследования практически не проводились, за исключением изысканий Н.П. Подушкина и А.О. Итенова, ограничивших сферу поиска поздним средневековьем.

Предмет и объект исследования. В силу недостаточной разработанности заявленной темы и с учетом новых аспектов проблемы, *объектом* исследования стал древний и средневековый Испиджаб, его памятники археологии, караванные пути, поселения. В качестве *предмета* исследования определены генезис и динамика развития городской культуры Испиджабского историко-культурного района.

Цели и задачи исследования. Основной *целью* диссертационного исследования является изучение зарождения урбанизации и становления городской культуры Испиджабского историко-культурного района. Систематизация сведений и анализ различного рода источников, главным образом – археологических материалов, в большинстве своем представленных впервые, направлены на конкретизацию и уточнение малоизученных или вообще не затронутых исследователями проблем истории Испиджаба во взаимосвязи с другими областями Центральной Азии. Систематизация новых данных, полученных при стратиграфических исследованиях памятников Испиджаба, необходима для их типологической

¹ Примечание – Подробный анализ истории изучения Испиджабского историко-культурного района дан в первой главе диссертации.

классификации и выделения хронологических комплексов. Исследования актуальных вопросов общественно-политической и социально-экономической истории призваны определить особенности и основные закономерности культурогенеза рассматриваемого региона. Обобщение полученных данных способствует характеристике этнокультурных процессов как целостного явления в Испиджабском историко-культурном районе на протяжении длительного отрезка времени – от древности до средневековья включительно.

Положения, выносимые на защиту:

- история изучения Испиджабского историко-культурного района;
- уточнение и определение историко-географической ситуации Испиджабского округа в эпоху средневековья;
- локализация Испиджаба;
- локализация Нуджикета;
- локализация Дахкета;
- локализация Хурлуга;
- локализация Арсубаникета;
- локализация Бадухкета;
- локализация Гаркурда;
- локализация караванных путей;
- периодизация и динамика освоения человеком Испиджабского округа в историческом аспекте;
- закономерности и особенности генезиса и эволюции этнокультурных процессов Испиджаба;
- структура и типология древних и средневековых археологических памятников Испиджаба;
- истоки и динамика развития городской культуры Испиджабского историко-культурного района с эпохи поздней бронзы до средневековья включительно.

Методология и методы исследования. Методологической основой настоящего исследования являются общемировые принципы научного познания, исходящие из факторов объективности, историзма, понимания диалектической взаимосвязи событий, учета конкретно-исторических условий. В методике исследования использованы фундаментальные и теоретические разработки ученых в области археологии и исторической науки. Основопологающей, системообразующей методической базой диссертации является контекстуальный подход, формирующий методически верное отношение к объекту исследования.

Источниковедческой основой диссертации послужили археологические материалы, сведения средневековых источников, написанных на арабском, персидском, китайском и др. языках, данные нумизматики, исторической географии и исторической топонимии и агонимии исследуемого региона.

Основу представленных археологических материалов составляют результаты полевых работ, проведенных автором на городищах Сайрам, Шымкент, Тортультобе, на поселениях Бургулюк-1, Бургулюк-2, Кайтпас-1,

Улугтобе, а также на поселении эпохи бронзы Бургулюк, на средневековой усадьбе Екпенды, на могильниках Бургулюк -2, Бургулюк-4. В процессе работы были использованы и по-новому переосмыслены предшествующие исследованию результаты археологических раскопов, проведенных на территории изучаемого района.

Хронологические рамки исследования. Начальный этап хронологического отсчета рамок исследования определяется истоками городской культуры Испиджабского округа, который фиксируется с эпохи поздней бронзы и продолжается до позднего средневековья включительно.

Географические рамки исследования всецело связаны с Испиджабским историко-культурным районом, который на севере граничил с округом Кенджида у слияния рек Бадам и Арысь, а на юге и юго-западе – по горам Каржантау и долине реки Келес простирался до Шашского оазиса, на востоке – по Каратау – достигал округа Тараз.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что в нем впервые рассмотрена динамика историко-культурного развития Испиджабского округа, начиная с эпохи поздней бронзы и до средневековья.

В диссертации на основе анализа археологических, топонимических, историко-географических и письменных источников проведена полная локализация городов и населенных мест Испиджабского округа, упомянутых в средневековых письменных свидетельствах.

В работе впервые представлено полное стратифицированное описание городищ Сайрам, Шымкент. Стратиграфические колонки этих памятников синхронизированы с другими памятниками изучаемого региона, а также с соседними историко-культурными районами. На основании этих работ выявлены новые археологические комплексы, которые дали возможность по-иному взглянуть на вопросы этнокультурных процессов, происходящих на начальных этапах урбанизации региона.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при написании отдельных разделов археологии и истории Казахстана, в сводных работах по исторической географии и исторической топонимике, при составлении лекции по истории и археологии Казахстана и при создании учебных и учебно-методических пособий, адресованных студентам и школьникам.

В полной мере результаты данного диссертационного исследования могут быть востребованы при организации инфраструктуры туризма на памятниках Испиджабского историко-культурного района. Археологические материалы, найденные соискателем в период написания работы, найдут применение при создании музейных экспозиций.

Апробация работы. Основные положения диссертации были сформулированы автором в докладах на Международных и Республиканских научно-практических конференциях: на «Маргулановских чтениях» (Алматы–1989, Шымкент–2002, Павлодар–2004), на Шестой всесоюзной научно-практической конференции по ономастике Поволжья (Волгоград–1989), на Республиканской научной конференции «Валихановские чтения»

(Кокшетау–1992), на Международной научно-практической конференции «Ауезовские чтения» (Шымкент–2001, 2007), на Международной научной конференции «Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы традиции и современность» (Самарканд–2002), на 21 Международном конгрессе по ономастике (Швеция–2002), на Международной научной конференции «Туран-Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности. Древность и средневековье» (Туркестан – 2006), на Международной научной конференции «Роль города Карши в истории мировой цивилизации» (Карши – 2006), на Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения» (Актобе – 2007).

Результаты и выводы исследования были опубликованы в различных академических изданиях: в «Известиях» Национальной Академии наук Республики Казахстан (Алматы – 1991, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008 гг.), в Вестнике международного Института Центрально-Азиатских исследований ЮНЕСКО (Самарканд – 2005), в сборнике «История материальной культуры республики Узбекистан» (Самарканд – 2006).

Многие положения и выводы диссертации опубликованы в изданиях, рекомендованных Комитетом по надзору и аттестации в сфере образования и науки МОН РК.

Диссертация обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании Ученого совета Института археологии им. А.Х.Маргулана МОН РК.

Структура диссертации соответствует задачам и логике исследования. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы.

Основная часть

Во введении обосновывается актуальность исследования, его научная новизна, формулируются цели и задачи диссертации, определяются основные положения, выносимые на защиту, указана ее практическая значимость, а также содержатся сведения о сфере апробации работы.

Первый раздел – **«История изучения и источники»**.

История археологического изучения Испиджабского историко-культурного района¹ всецело связана с развитием исторической науки Казахстана вообще и археологии в частности.

Первый – начальный этап – формируется с XVI и длится до середины XIX века, являясь временем накопления исторических знаний о городах Южного Казахстана, дошедших до нас в дневниках, донесениях, записках путешественников, дипломатов и иных людей, побывавших ранее на изучаемой территории.

Начиная с XVII-XVIII вв., город Шымкент как центр крупного историко-культурного района стал доминировать в регионе, приняв первенство у

¹ Примечание – В обзор литературы по теме диссертации включены работы исследователей, которые изучали памятники округа Сайрамского городища и историко-культурных объектов, входивших ранее в Испиджабский округ. Описание работ территориально охватывает долину реки Арысь с верховьев до округа Кенджида, долины реки Бадам в таких же пределах. Сюда же входит долина реки Келес и предгорья Каржантау.

Сайрама, занимавшего аналогичный статус ранее. На данном этапе в сообщениях из различных источников появляются первые сведения о городе Шымкенте. Большой интерес представляют в русле проведенного нами изыскания сообщения М. Поспелова, Т. Бурнашева и Ф. Назарова, посетивших Шымкент в начале XIX века.

Второй этап начинается с 1865 года и связан с образованием Туркестанского генерал-губернаторства. Он продолжается до учреждения в 1895 году Туркестанского кружка любителей археологии. Этот этап проходил в условиях присоединения юга Казахстана к Российской империи, укрепления царской власти, проведения целенаправленной колониальной политики.

Взятие Шымкента в 1864 году и появление здесь русского военного гарнизона привлекло в край, помимо чиновников особых поручений, и гражданские лица, которые, выполняя функциональные обязанности и задачи, оставляли сведения о городах Южного Казахстана. Среди них были А.К. Гейнс, П.И. Пашино, В.В. Верещагин.

В июне 1893 года из Ташкента приезжает в Южный Казахстан Н.П. Остроумов. Проведя небольшие археологические раскопки на городище Жуан-тобе и Борижарском некрополе, Н.П. Остроумов организует кратковременные археологические раскопки на городище Алванкент. Раскопки Н.П. Остроумова являются первыми археологическими исследованиями, проведенными в округе Шымкентского городища.

В мае 1893 года в Туркестанский край по заданию Санкт-Петербургского университета и Академии Наук был командирован востоковед В.В. Бартольд. Он следовал из Ташкента по древнему караванному пути до Сайрама и далее – до Аулие-Ата – и описывал на своем пути памятники археологии, сопоставляя полученные данные со сведениями средневековых письменных источников.

Третий этап дореволюционного периода начинается с 1895 г., он ознаменован открытием в г.Ташкенте Туркестанского кружка любителей археологии. Этот период продолжается до 1917 года и связан, в первую очередь, с деятельностью названной организации.

Кружок объединил представителей местной интеллигенции, чиновников, военных и всех, кто интересовался прошлым края, его историей, памятниками археологии и архитектуры. Активными членами кружка были Н.П. Пантусов, Н.П. Остроумов, В.А. Каллаур, Н.С. Лыкошин, А.А. Диваев, И.В. Аничков, П.П. Иванов, В.Д. Городецкий и другие.

Сразу же после учреждения кружка, в мае 1896 года, в Сайрам для осмотра памятников приезжает член кружка И.В.Аничков. Другой член кружка, Н.С.Лыкошин, публикует материалы о городе Шымкенте и памятниках его округа.

Особое место в истории археологической науки Казахстана занимает советский период (1917-1991). Обычно в этом периоде выделяется 4 этапа: 1917-1935; 1936-1945; 1946-1959; 1960-1991 гг. [1, с.12]. С 1991 по настоящее

время Казахстанская археологическая наука развивается в условиях независимости.

Начальный этап советского периода связан с деятельностью Средазкомстариса, которому мы обязаны тем, что во время его деятельности городище Сайрам было обследовано, изучено и описано сначала П.П. Ивановым, а потом М.Е. Массоном. Их исследования стали опорными, и на сегодняшний день по многим показателям характеризуются как уникальные источники.

В предвоенные годы изучение данного района связано с деятельностью Джамбульского археологического пункта, организованного в связи с работами Семиреченской археологической экспедиции, возглавляемой А.Н. Бернштамом. Так, в 1940 году Джамбульский археологический пункт совершает экспедицию для обследования древнего караванного пути от Тараза до Испиджаба-Сайрама.

С 1947 года начинает работать Южно-Казахстанская археологическая экспедиция, возглавляемая А.Н. Бернштамом. Экспедиция в период с 1947 по 1951 год проводит масштабную разведку на территории Южно-Казахстанской области. Позже, анализируя результаты работы данной экспедиции, Е.И. Агеева и Г.И. Пацевич в 1958 году издают обстоятельную монографию «Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана». Эта работа явилось первым монументальным трудом по городской культуре Юга Казахстана.

В 60-х годах XX в. изучение памятников Южного Казахстана связано с работами Н.П. Подушкина. Он одним из первых начинает изучать на территории Южного Казахстана памятники оседло-земледельческих культур первого тысячелетия н.э. В исследуемом нами районе предметом его внимания было несколько памятников этого периода. К ним относятся поселение Караултобе, Наймантобе, Жартытобе, Торткультобе и др.

Долгие годы на территории Южно-Казахстанской области проводит свои исследования К.М. Байпаков. Основное внимание ученый уделяет характеристике генезиса городской культуры и возникновению урбанизации на великом Шелковом пути. На протяжении многих лет им выпущен ряд монографий, в которых нашли отражение памятники городской культуры, представляющие для проводимого нами исследования особый интерес. К.М. Байпаков провел локализацию городов Южного Казахстана, упоминаемых в средневековых письменных источниках.

С конца 70-х годов XX века на территории бассейна реки Арысь начал проводить свои археологические работы А.Н. Подушкин. Внимание этого исследователя было направлено на памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана I-го тысячелетия н.э.

Кроме археологических работ, в этот период организуется ряд исследований, отражающих различные аспекты социально-политической истории региона, его архитектуры, нумизматики, отдельных археологических предметов и этнографии. К ним относятся труды К.А. Пищулиной, Т.К. Басенова, М.М. Мендикулова, Е.А. Давидович, М.Н. Федорова, Б.Д.

Кочнева. Исследовались также предметы культовой архитектуры. Среди изысканий этого плана следует отметить труды Ю.А. Елгина. В области этнографии большую ценность представляют работы А.Л. Троицкой и К.К. Юдахина, А.Н. Жилиной, К. Тайжанова, Х. Исмаилова.

Как видно из вышеизложенного, исследования Испиджаба и памятников его окружи не были по времени и объекту равномерными. Изучались, в основном, памятники оттарско-каратауской культуры. Памятники эпохи средневековья изучались слабо. На крупных городских центрах, каковыми являются городища Сайрам и Шымкент, археологических работ практически не проводилось. Их исследования носили эпизодический характер и ограничивались лишь разведочными работами.

В XX в. появляется немало спорных и отчасти полемических работ, в которых сделана попытка описать месторасположение племен саков, скифов, массагетов, известных по античным, ахеменидским и другим источникам.

Немало работ посвящено локализации государственного объединения Кангюй и его пяти малых владений: Сусе, Фуму, Юни, Ги, Юегань. Существует несколько гипотез о месте их локализации, сформулированных В.В. Бартольдом, С.П. Толстовым, А.Н. Бернштамом, С.Г. Кляшторным, Б.А. Литвинским и др. Несомненно, одно из этих владений располагалось ранее на территории исследуемого нами района, однако окончательный ответ на этот вопрос еще не найден.

В связи со сказанным выше, в предшествующем исследованию обзоре мы не останавливаемся на характеристике вышеназванных письменных источников, так как вопросы локализации и интерпретации тех или иных сведений остаются в науке достаточно спорными, что свидетельствует о необходимости проведения специальных изысканий. Поэтому в предлагаемый обзор письменных источников были включены только сочинения тех авторов раннесредневекового и средневекового периодов, которые непосредственно касаются территории Южного Казахстана и, соответственно, более обоснованно поддаются сопоставлению с имеющимися материалами другого типа.

Среди них в первую очередь следует отметить китайские письменные источники, которые характеризуют территорию Казахстана в раннесредневековое и средневековое время. К ним относится «Да тан сиюйцзи» («Записки о западном крае [периода] Великой Тан») Сюань-цзяня, изучавшего караванную магистраль и описавшего все государства и народы на своем пути в последовательности их расположения от Китая до Индии.

В 1221 году через Южный Казахстан пролегает путь китайского монаха Чан-Чуня. Путешествие Чан-Чуня было записано одним из его учеников, следовавшим за ним все время. Эти записи ценны тем, что путь Чан-Чуня проходил по Южному Казахстану и частично повторял маршрут Сюань-цзяня. Монах, минуя Тараз, прибыл в Сайрам.

Следующие сведения китайских источников о юге Казахстана относятся к началу XV в. и связаны с миссией известного китайского дипломата и путешественника Чэнь Чэна в Самарканд. По возвращении из этого

путешествия Чэнь Чэн составил свои знаменитые сочинения «Сиюй синчэнцзи» – «Записки о путешествии на Запад» и «Сиюй фаньгочжи» – «Описание государств Западного края». Стихи, написанные им в пути, он собрал в «Сиюй ванхуэй цзисинши» – «Стихи, сочиненные по пути в Западный край и обратно» [2].

Еще один блок исторических сведений по интересующим нас вопросам предоставляют арабские, персидские и тюркские письменные источники. Арабо-персидская литература IX-XII вв. имела по содержанию историко-географическую направленность. Эта литература получила в свое время достойную оценку в научных изданиях. Самое главное: в анализируемых трудах использовались источники, составленные, в основном, свидетелями, или сочинения писались на основе собственных наблюдений, что повышало степень их достоверности. В них, помимо историко-географической характеристики, имеются ценные сведения о государствах и народах Центрально-Азиатского региона, в частности – Южного Казахстана. Среди авторов следует отметить: ибн Хордадбега, Кудама ибн Джафара, ал-Истахри, ибн-Хаукаля, ал-Мукаддаси и др.

Особняком среди трудов IX-XII вв. стоит персидское анонимное географическое сочинение X в. «Худуд ал-алам», содержащее сведения о городе Испиджабе и памятниках его округи.

Кроме трудов, отражающих географическую направленность, имеются и сочинения, где, наряду с различными историческими фактами, наличествуют данные о политической и этнической истории Южно-Казахстанского региона. Это – сочинения ал-Белазури, ат-Табари, ан-Нершахи, Махмуда Кашгари, ас-Самани, ибн ал-Асира, Якут ал-Хамави и др.

Среди трудов, вышедших в домонгольское время, следует отметить эпическую поэму «Шах-наме» Фирдоуси, жившего во второй половине X в. В поэме упоминается город Испиджаб, за ним – Канг и город Сиявушгирд.

Сравнительно недавно Т.К. Бейсембиевым в научный оборот было введено ранее малоизвестное для казахстанских исследователей сочинение XIII века «Джавами' ал-хикайат ва лавами' ар-ривайат». Для нас большой интерес представляет в нем рассказ о борьбе Исмаила Самани с правителем Испиджаба.

Вышеназванные сочинения арабских и персидских ученых в переводах, сделанных в разное время В.В. Бартольдом, С. Волиным, Е.К. Бетгером, Л.З. Писаревским, З.Н. Ворожейкиной, М. Велихановой, Ш. Камалиддиновым и др., привлекаются нами в работе как ценные фактографические источники. При необходимости, особенно при сопоставлении топонимов, встречаемых в указанных сочинениях, мы обращаемся также непосредственно к первоисточнику – изданию 1967 года [3;4;5;6;7].

В диссертации используется также работа С. Волина «Сведения арабских, персидских и тюркских источников IX-XVII вв. о долине р. Талас и смежных районах».

Среди источников послемонгольского периода следует отметить сочинения «Зафар-наме» Шереф-ад-дина-Йезди, «Масалик-ал-мамалик»

Санда Джурджани, «Тарихи – и – Рашиди» Мухаммед Хайдара, «Михман-наме» Рузбихана.

Сведения по позднесредневековому Сайраму содержатся в сочинении «Шараф-наме-йи-Шахи» Хафиза Таныша, написанном в связи с походами Абдаллах-хана, и «Тарих-и Амнийя» Мола Муссы Бен Мола Айс-а-ходжи Сайрами.

Еще два письменных источника, сравнительно недавно введенных в научный оборот, содержат сведения о Сайраме. Первый из них – «Насаб-наме» Сафи ад-Дина Орын Койлаки. Ученый З.З. Джандарбеков, исследовавший это сочинение, убедительно доказывает, что оно написано в XIII в. В части сочинения, посвященной Исхак-бабу, имеются сведения о религиозной ситуации в Сайраме. Второе сочинение – «Трактат о святых Мадинат ал-Байда и Испиджаба» – опубликовала Ж.М. Тулибаева. Сочинение, несомненно, представляет большой научный интерес. В нем даются сведения по захоронениям и святым местам, расположенным на территории Сайрама и его округе. Этот «Трактат» известен под названием «Рисоля».

В представленном обзоре письменных источников, не претендуя на абсолютную полноту, мы попытались охватить все имеющиеся на сегодняшний день письменные документы периода существования Испиджаба и Сайрама. Результаты их анализа позволяют утверждать, что наиболее полно исследуемая территория была освещена в эпоху средневековья в IX-XVII вв.

Второй раздел – **«Историческая география испиджабского историко-культурного района»** – содержит информацию о территории, границах, населенных местах Испиджабского историко-культурного района. Наиболее подробную информацию об этом из всех известных на сегодняшний день средневековых письменных источников дает труд ал-Мукаддаси, где автор кратко характеризует населенные места Испиджаба и расстояние между ними [8, с.181-183].

Сочинение ал-Мукаддаси свидетельствует, что сам город Испиджаб был расположен в середине от границ своего округа, и ему подчинялись (в административном плане) города и населенные пункты, также являвшиеся центрами других округов. Очевидно, в период составления труда ал-Мукаддаси город Испиджаб имел статус «губернии». Эту мысль подтверждает персидское анонимное географическое сочинение «Худуд ал-алам», где сообщается, что город Испиджаб является местом пребывания правительства [8, с.180].

Благодаря письменным источникам, юго-западные границы округа фиксируются достаточно точно. Так, ибн Хаукаль, описывая территорию области Шаш – Илак, указал, что она с одной стороны граничит по Сырдарье, с другой – простирается до *Железных ворот*, расположенных между землями Шаша и Испиджаба, называемой [рекой] *Калас* [9, с.22-23]. Аналогичное сообщение содержится в персидском варианте сочинения ал-

Истахри, где говорится, что территория Шаша граничит с землями Испиджаба у *Железных рудников* [10, с.28].

С севера Испиджаб граничил с округом Кенджида, который был расположен в среднем течении реки Арысь. Ал-Истахри, ибн Хаукаль и др. единодушно утверждают, что город Усбаникет, будучи главным городом округа Кенджида, расположен в двух дневных переходах от Испиджаба [10, с.30,33;103, с.24].

Южные и восточные пределы округа устанавливаются точно, они, несомненно, упирались в естественные географические границы, которыми являются горы. На юге – это отроги Тянь-Шаня – хребет Каржантау, на востоке – хребет Каратау, примыкающий перпендикулярно к Каржантау.

Согласно дорожникам ибн-Хордадбеха и Кудама ибн Джафара, в юго-западных границах округа Испиджаб по караванному пути от Шаша расположены географические пункты: *Железные ворота*, *Кубал (Каль)*, *Гаркирд* [8, с.173,177]. Аль-Истахри добавляет на этом отрезке пути еще один пункт – рабат у Каласа *Анфуран* и называет *Гаркирд* селением [8, с.179]. Восточнее по караванному маршруту от Испиджаба эти же авторы пишут о населенных местах *Шараб*, *Бадухкет*, *Тамтадж* [8, с.173,177].

Ал-Мукаддаси, как указано выше, дает более обширный список городов и селений. Он отмечает к северу от Испиджаба по пути следования к Арсубаникету *Хурлуг*, *Джумишлагу*, в обратном порядке перечисляя города к югу, отмечает *Дех Нуджикет* и *Азахкет* (вариант произношения *Дахкет*) [8, с.180-182].

Якут ал-Хамави добавляет в список городов и сел Испиджаба еще два объекта: это селение *Мазанкет* (вариант чтения *Маданкет*) и город в окрестности Испиджаба *Манкес (Манкет)* [8, с.187].

В итоге письменные источники предоставляют нам следующий список населенных мест Испиджаба: города *Бадухкет*, *Хурлуг*, *Джумишлагу*, *Маданкет*, *Манкет*, *Дех Нуджикет*, *Азахкет (Дахкет)*; географические пункты и населенные места: *Железные ворота*, *Кубал (Каль)*, *Гаркирд*, *Анфуран*, *Шараб*, *Тамтадж*.

Некоторые из указанных населенных мест до сегодняшнего дня сохранились в топонимической номенклатуре изучаемого района (*Джумишлагу*, *Манкет*, *Гаркирд*). В то же время мы должны отметить, что, несмотря на наличие топонимических сведений, местонахождение большинства из них еще остается спорным.

Так, например, средневековый *Манкес/Манкет* локализован Г.И. Пацевичем и К.М. Байпаковым на месте городища Булак-Ковал, расположенного рядом с современным селом Манкент [11, с.164; 12, с.83]. Памятник в настоящее время называется Торткултобе. Данная локализация не вызывает сомнения, так как городище имеет слои IX-XII вв., и название средневекового города сохраняется в имени населенного пункта Манкент, расположенного в 20 километрах на северо-востоке от Сайрама. В то же время непонятно, где нужно искать селение *Мазанкет/Маданкет*. Это

селение, если таковое ранее существовало, встречается только у Якута ал-Хамави.

Возможно, в этом случае, следует согласиться с мнением К.М. Байпакова, утверждающего, что топонимы *Мазанкет* и *Манкет*, упоминаемые у Якута ал-Хамави, тождественны [12, с.83].

В вопросе локализации Испиджаба имеются различные точки зрения. На сегодняшний день существует две версии. В.В. Бартольд, П.П. Иванов, Г.И. Пацевич, К.М. Байпаков считают, что Испиджаб находился на месте современного села Сайрам. М.Е. Массон, А.Н. Бернштам, Е.И. Агеева убеждены: в другом месте.

В этимологии слова Испиджаб также нет ясности. Иранисты считают, что это слово согдийского происхождения и имеет буквальное значение – *белая вода*. Поселок Сайрам расположен на Сайрамсу, а Аксу протекает значительно севернее, следовательно, транstopонимизация при такой расстановке практически невозможна. Но на Аксу нет подходящего памятника археологии для локализации города Испиджаба.

Сообщение Махмуда Кашгарского: «Сайрам – название белого города (ал-Мединат ал-Байда), который называется Испиджаб. Сарьям – видоизменение этого», принятое вышеуказанными учеными для локализации Испиджаба на месте Сайрама, служит убедительным аргументом в объяснении названия.

В средневековых письменных источниках сообщается, что жители города и сам город находились на определенном привилегированном положении и были освобождены от налогов. Поэтому сказанное Махмудом Кашгарским, что Сайрам – название *Белого города*, не следует понимать буквально. Дело тут не в цветовой семантике лексической единицы: *белый* может восприниматься как «святой», «священный», «освобожденный от налогов».

Испиджаб освобождается от налога (хараджа) отнюдь не за рядовые заслуги, а за особый социальный статус, который он имел среди других городов Мавераннахра и Хорасана. Заметим, Сайрам – *Белый город*, а Испиджаб освобождается от налогов. Данный факт говорит сам за себя и подтверждает идентичность населенных пунктов. Более того, среди испиджабских монет караханидского периода имеется чекан дирхемов от имени *Белого города* – «Мединат ал-Байда», что лишний раз подтверждает наши выводы о тождественности Испиджаба и Сайрама [13, с.53].

Город Испиджаб как объект на караванном пути появляется в арабских письменных источниках, начиная с IX в. Его имя мы встречаем впервые в середине IX в. в сочинении ал-Хорезми, где даются сведения о его широте и долготе расположения [8, с.175]. О нем ничего нет у ат-Табари в связи с походами арабов на восток. Зато, начиная с середины IX в., практически все арабские дорожники упоминают город Испиджаб в качестве значительного объекта на караванной магистрали.

В китайских письменных источниках VII в. на территории Испиджабского историко-культурного района упоминается другой город –

Нуджикет, который был центром одноименного округа. В работе представлен детальный разбор вопроса о локализации Нуджикета, отождествленного, в конечном итоге, на месте городища Шымкент. Локализуется Бадухкет на месте городища Тортколтобе-Балыкшы, Хурлуг – на месте городища Мазараттобе у поселка Сыйкым. Азахкет (Дахкет) идентифицируется с городищем Жыланбузган. Географические пункты Испиджаба расположились следующим образом: *Железные ворота* – сохранились в названии местности Дарбаза у самой юго-западной границы округа, *Шаваб (Шараб)* – с согдийского *Карасу* соответствуют Карабулаку, *Гаркирд* – Атбулаку у горы Казыкурт. *Арсубаникет*, как центр округа Кенджида, локализуется на месте городища Караспантобе. Домонгольский *Арсубан* и послемонгольский *Караспан* рассматриваются как идентичные топонимы.

В то же время мы должны отметить, что топонимы *Шаваб*, *Бадухкет*, *Дахкет*, *Гаркерт*, *Кубал* и микротопонимы города Испиджаба *Савакрас* и *Фархан* в письменных источниках за многовековой период претерпели заметное искажение. Это, на наш взгляд, в первую очередь обусловлено не столько особенностями фонетики арабского языка, сколько особенностью арабской графики. Незнакомые слова переписчики искажали до неузнаваемости, так как не знали их смысла и правописания, что наглядно демонстрируется в исторической топонимии.

Второе, на что мы обратили внимание: в эпоху раннего средневековья основная топонимическая номенклатура Южного Казахстана уже сложилась. Поэтому, исследуя и локализуя древние названия, нужно учитывать, что они сохранились в различных своих вариантах и модификациях как в письменных источниках, так и в реалиях.

Третий раздел – **«Стратиграфия и хронология городища Сайрам и памятников округа Сайрамского городища»** посвящен установлению хронологии и собственно самой стратиграфии городища Сайрам. На территории городища и его округа было заложено 9 раскопов, которые носили исключительно стратиграфический характер¹. Два из них устроены на шахристане, шесть – на рабадах, один – на поселении Улугтобе.

В стратиграфии раскопа-1, устроенного на шахристане у мечети Хызыр-Пайгамбара, следует отметить поздние перекопы, прорезавшие сверху донизу всю толщу культурных напластований, где удалось проследить сохранившиеся следы трех жилых горизонтов. Керамика, полученная с данного раскопа, показала, что она относится к двум хронологическим комплексам: средневековья и позднего средневековья. При этом средневековый комплекс делится на два периода. Первый относится к эпохе Саманидов и Караханидов X-XII вв., второй – к эпохе Джагатаидов и

¹Примечание – При вскрытиях культурных отложений фиксация слоев велась в метрах и сантиметрах, а также условными горизонтами или ярусами по 0,5 м.

Тимуридов начала XIII вв. – XIV, казахских ханств XVI-XVII и кокандского ханства XVIII-XIX вв.

Стратиграфический раскоп-2 на шахристане городища Сайрам был произведен по северному склону памятника.

Из рыхлых, культурных отложений раскопа было получено два археологических комплекса. Комплекс саманидской и караханидской эпохи залегал, в основном, на уровне VII яруса, выше – на уровне I-V ярусов шли отложения XVII-XIX вв. В предматериковом культурном слое прямо по центру раскопа обнаружен бадраб-1, уходящий на глубину более полутора метров, вырытый в толще лессовых материковых отложений. При расчистке бадраба был обнаружен комплекс находок саманидского времени.

В диссертации содержится детальная характеристика всех находок раскопа по комплексам и приводится их датировка. Анализ всего комплекса, полученного из бадраба-1, позволяет датировать предматериковый уровень шахристана концом IX – началом X вв.

С целью выяснения территории рабадов Испиджаба, а также времени их возникновения, на территории поселка Сайрам и его округе было заложено семь раскопов.

Раскоп-3 был устроен на склоне холма, примыкающего с севера к шахристану городища Сайрам. Данная возвышенность расположена слева у дороги Сайрам – Шымкент, в 200 метрах западнее ворот Белькапка, и используется местными жителями в качестве мусульманского кладбища. По северному склону этой возвышенности проходил магистральный канал Сайрама Гузахан – арык. На северном склоне этой возвышенности был заложен разрез меридионального направления. Характер стратиграфии памятника на данном участке довольно простой. Культурные отложения состоят из однородного сероватого гумусированного грунта.

Археологические работы показали, что данная возвышенность в качестве некрополя использовалась длительное время. С самого верхнего уровня раскопа было получено небольшое количество фрагментов позднесредневековой керамики XIX века. Среди них можно отметить фрагмент глазурованной чаши с мелкими марганцевыми розетками по краю. Основной же найденный материал относится к караханидскому и раннемонгольскому времени.

Раскоп-4 был заложен в охранной зоне мавзолея Ходжа-Салиха в 2-х метрах от его восточного фасада. Раскоп был углублен до 1,20 м. В нем под плотным десятисантиметровым дерновым слоем залегает полуметровый горизонт сероватого уплотненного грунта. Он характеризуется однородной структурой и содержит фрагменты жженого кирпича, обломки керамики эпохи средневековья. Эти материалы находят свои аналоги среди комплексов X-XII вв. Отрара, Шаша, Тараза, Афрасиаба и других мест.

Раскоп-5 был заложен на расстоянии около 200 м к северо-западу от северного фаса шахристана городища Сайрам. Он находился во дворе дома жителя Сайрама С.Ергешова по адресу участок «Красный октябрь», ул. Жамбыла, дом 2. Раскоп был углублен более чем на 2 м. Здесь под тонким

дерновым слоем до материка залегала однородная толща влажного гумусированного грунта. Набор керамических находок из раскопа-5 позволяет датировать период активного обживания данного участка рабада X-XII вв., после которого наступает период запустения вплоть до XIX в.

Раскоп-6 был устроен на южном – левом – берегу реки Сайрамсу. Он находился в 2-х километрах по прямой от Юго-Западного фаса шахристана городища Сайрам. Стратиграфия культурных напластований раскопа довольно проста. Под тонким дерновым слоем идет однородный культурный слой в виде серого гумусированного грунта толщиной около 60 см. На глубине около 0,5 м на северной стенке шурфа отмечено скопление битой керамики караханидского времени и зольные пятна.

Раскоп-7 был заложен на участке семейства Махмудходжаевых в полутора километрах к северо-востоку от шахристана Сайрам, справа по дороге из центра поселка к мавзолею Ибрагимата. Его глубина составила чуть более 2 м. Стратиграфия раскопа неоднородна. Под плотным дерновым слоем залегает почти метровая толща серого гумусированного грунта.

Найденный керамический материал по аналогичным находкам Тараза, Отрара, Согда и Шаша имеет устойчивые хронологические рамки в пределах X-XII вв.

Раскоп-8 был устроен на западной окраине села Сайрам, на ранее не обжитой территории, выделенной под новостройку. Раскоп был углублен на 1,5 м. Характер культурных отложений очень простой. Под тонким дерновым слоем залегает 60 см толщи сероватого уплотненного грунта. Под ним полуметровый слой желтовато-плотного грунта, из которого были получены материалы средневекового периода. В северо-восточном углу раскопа в данном культурном слое был найден целый керамический очажок, находившийся, несомненно, по уровню пола первого строительного горизонта.

Охарактеризовав комплекс находок, проанализировав очажок, найденный *in situ*, мы датировем весь археологический комплекс раскопа-8 XI-XII вв., определяя это же время для изученного участка рабада.

Общие хронологические рамки периода обживания рабада на западной окраине городища Сайрам дополняют сборы керамики, сделанные по району новостроек. Обследована территория около 7 гектаров, прилегающая к раскопу-8. Выявлено 6 пунктов со значительным количеством керамики. Находки пунктов состоят из фрагментов кухонной и столовой посуды, в основном, XI-XII вв. Более детальный анализ глазурованной керамики, полученной из этих пунктов, позволяет утверждать, что уже в X-XI вв. изученный район рабада Испиджаба был достаточно интенсивно обжит.

В округе Сайрамского городища находятся несколько памятников археологии, которые зафиксированы в научной литературе как отдельные археологические объекты, руины древних поселений¹. По правобережью

¹ Примечание – в данном разделе рассматриваются только те памятники округа Сайрамского городища, где проводились непосредственно стационарные археологические исследования.

Сайрамсу, непосредственно расположенному в черте поселка Сайрам, отмечено два объекта – Улуктобе и Мартобе. Ближе к западной окраине – Каратобе.

В работе представлена характеристика комплексов памятников округа Сайрамского городища – Улуктобе, Мартобе, Каратобе, рассматривается их датировка и стратиграфия, по которой устанавливается время функционирования объектов – первая половина I тысячелетия н.э.

Одной из задач исследования было изучение сельской округи Испиджаба и особенностей ее фортификации. В этой связи был выбран объект с четко выраженной системой фортификационных укреплений. Им является городище Тортколтобе, расположенное у поселка Кенесарык Толебийского района ЮКО. В ходе изыскательских работ был выявлен комплекс керамики X-XII вв. с большим количеством кустарной продукции. Для керамического комплекса городища Тортколтобе, по сравнению с городами и центрами Сайрам, Отрар, Шаш, характерен провинциализм, выраженный в малом количестве глазурованной керамики и значительной доле лепных изделий местного производства.

На характеристике залегания культурных слоев и археологических комплексов городища Сайрам мы останавливаемся более подробно, поскольку нашей главной целью было уточнение времени возникновения города Испиджаба, определение особенностей стратиграфии и динамики развития его городской культуры и топографии. По найденным археологическим комплексам мы установили, что городище Сайрам полностью соответствует средневековому Испиджабу. Территория средневекового города, по результатам стратиграфических раскопов, имела протяженность в широтном направлении около 10 км и соответствовала современной территории поселка Сайрам. Однако найденные артефакты доказывают, что городище Сайрам не имеет слоев ранее IX века. В виду этого, мы формулируем основной вывод: главный город Испиджабского историко-культурного района в раннее средневековое время находился в другом месте, и им был город Нуджикет, локализованный нами на месте городища Шымкент.

Четвертый раздел – **«Стратиграфия и хронология городища Шымкент»** – посвящен описанию результатов проведенного изыскания. На городище Шымкент было заложено три стратиграфических раскопа, позволившие изучить южный и западный фас, цитадель и предвратную часть позднесредневекового Шымкента. Кроме этого, изучалась территория, прилегающая к городищу Шымкент, где ранее располагались рабады и сельская округа. С этой целью на территории, прилегающей к шахристану городища вдоль реки Кочкар-ата, ее протока Карасу и др., было заложено 4 зондажа и 1 стратиграфический раскоп. В округе Шымкентского городища на северной окраине города было исследовано поселение Кайтпас-1.

Стратиграфический раскоп 1, устроенный на склоне городища, в пяти метрах к востоку от южной оборонительной стены шахристана, дал археологический материал, хронологически подразделяющийся на два

комплекса (раннесредневековый и позднесредневековый). Раннесредневековый комплекс, в свою очередь, представлен тремя хронологическими группами. В первую группу входят находки, выявленные между VII и XI ярусами и относящиеся к середине первого тысячелетия нашей эры. Ко второй – предметы XVII-XVIII веков, обнаруженные по уровню IV-VII ярусов. К третьей – материалы XIX века, выявленные, в основном, в I-III ярусах.

Стратиграфический раскоп-2 был заложен в 50 м северо-восточнее от стратиграфического раскопа-1, на краю карьера, врезанного в южный фас городища. В этом раскопе, углубленном более чем на 12 метров, были получены материалы, начиная от первых веков до н.э. и кончая поздним средневековьем. Находки этого раскопа составили стратиграфическую колонку, керамические комплексы которой позволили выработать периодизацию развития города Шымкента.

В общей сложности в стратиграфическом раскопе-2 получено 7 последовательных хронологических комплексов. Их описание сделано снизу вверх, начиная с самых древних находок – с предматерикового культурного слоя и до позднего средневековья включительно. В работе дано описание всех комплексов раскопа, приводятся аналоги их находкам.

Стратиграфический раскоп-3 заложен на южном фесе шахристана. В ходе изучения стратиграфического раскопа-3 выявлено три явных периода обживания. В первом в VI-VIII вв. было построено полуземляночное жилище. Второй период обживания связан с эпохой караханидов. В это время поверхность материка выравнивается. Третий период обживания участка начинается в середине XVIII в., он существует до середины XIX в. Археологический материал, полученный в этом стратиграфическом раскопе, хронологически разделяется на три комплекса (раннесредневековый, средневековый и позднесредневековый), первый из которых, в свою очередь, соответствует трем периодам обживания городища.

По верхнему строительному горизонту на территории памятника было заложено четыре раскопа. Первый раскоп был разбит на юго-западном участке городища Шымкент вдоль южного и западного фаса шахристана с целью изучения оборонительной стены крепости. Второй – на цитадели, третий – по северной стене городища, четвертый – на северо-восточном углу шахристана у края восточной оборонительной башни. В 2006-2007 гг. была полностью изучена западная оборонительная стена.

В ходе исследовательских работ выявлены южные и западные оборонительные стены, выполненные приемом кладки двух параллельных стен, отстоящих друг от друга на расстоянии от 0,8 до 1 м, пространство между которым заполнено рыхлым суглинком и строительным мусором. К стенам примыкали круглые в плане башни. Комплекс керамики верхнего строительного горизонта датируется второй половиной и серединой XIX века.

Исследования, проведенные на рабадах Шымкента к западу и юго-западу от цитадели, предоставили нам сведения об интенсивном заселении

предместья города по протокам Кочкар-аты в период развитого средневековья и с конца XVIII и начала XIX вв. Графические рисунки, планы города Шымкент, сделанные во второй половине XIX в., после вхождения края в состав Российской империи, дают представления по рабадам городища Шымкент. Несомненно, в плане города Шымкент из Туркестанского альбома [14, с.113] обозначены границы рабада (площадью свыше 200 га) позднего средневекового периода.

Согласно сведениям ал-Мукаддаси, город Нуджикет до завоевания его Исмаилом ибн Ахмадом был большим, а после военного столкновения уменьшился в размерах. Там же автор отмечает, что у города есть цитадель, и он хорошо укреплен. Эти сведения находят подтверждение в полученном археологическом материале. Раскопы-1,3 рабада Шымкент дали материалы конца IX, первой половины X в., раскоп -2 – X начала XI вв.

Не исключено, что рабады Шымкента IX-XI вв. тоже имели длинные стены. Подобная планировка, по-видимому, была характерна не только для Испиджаба саманидского времени, но и для городища Шымкент средневекового и позднесредневекового периода. Несомненно, позднесредневековые рабады Шымкента располагались на ранее заброшенных средневековых рабадах, где прежняя ирригационная система могла быть легко восстановлена вдоль старых русел.

Исследовав поселение Кайтпас-1, представляющее собой сельскую округу Шымкента, мы установили, что она начинает складываться уже на рубеже нашей эры, что она синхронна нижним слоям городища.

Изучив основные вопросы, связанные с упоминанием в письменных источниках раннего средневековья города Нуджикета, который являлся на тот период центром крупного округа, мы пришли к убеждению, что он локализуется на месте городища Шымкент. Для доказательства мы обратились к сведениям о путешествии китайского паломника Сюань-цзяня. Был произведен анализ топонимики, уточнены маршрут его следования и расстояние между населенными пунктами. В ходе исследования мы пришли к выводу, что Шымкент в эпоху Сюань-цзяня был крупным городским центром, игравшим роль главного города округа. Далее мы подробно остановились на изучении стратиграфии городища Шымкент, так как хронологическая колонка подобных городов, в прошлом имевших доминирующее положение в округе, дает убедительное представление об истоках городской культуры региона.

Результаты изыскания полностью подтвердили наши предположения относительно локализации Нуджикета на месте городища Шымкент. Все три стратиграфических раскопа указали на то, что в VII в. Шымкент был крупным городским центром. Однако время возникновения самого города уходит в глубь веков. Если стратиграфические раскопы-1,3 указали на сохранившиеся периоды обживания, датируемые по нижним слоям IV-VII вв., V-VII вв. и подтвердили гипотезу об интенсивном обживании территории в это время, то стратиграфический раскоп-2, опущенный до материкового уровня, позволил датировать хронологию возникновения первых

поселенческих структур города III-II вв. до н.э. В то же время в стратиграфическом раскопе-3 в переотложенном виде были обнаружены материалы, датируемые рубежом нашей эры и более ранним периодом. Керамика I-IV вв. найдена на всех раскопах верхнего строительного горизонта и в разрезе цитадели городища, в частности, – его стилобате, и только в переотложенном виде.

О древней и средневековой топографии городища Шымкент IV-VII вв. мы можем судить лишь по уровням залегания культурных слоев и по отдельным находкам, обнаруженным в разных местах памятника. Судя по ним, эмбрион города находился в нескольких десятках метров к югу и к юго-западу от стратиграфического раскопа-2. К сожалению, на месте протоядра города находятся современные постройки и автомобильная дорога. Можно предположить, что первое поселение было полностью уничтожено при последующих перепланировках в период средневековья и позднего средневековья. От него остались культурные слои всех периодов, зафиксированные в стратиграфическом раскопе-2.

Находки линзы с обильными материалами I-IV вв., обнаруженные по южному фасу городища, свидетельствуют, что к этой части памятника примыкала древняя не сохранившаяся структура города. Подтверждением служит тот факт, что в основной стратиграфической колонке городища, выявленной из стратиграфического раскопа-2, отсутствует комплекс керамики I-III вв., I-IV вв., относящийся к первому этапу отрарско-каратауской культуры. По условиям хронологии стратиграфического залегания и по логике вещей, комплекс первого этапа отрарско-каратауской культуры должен был залегать между первым и вторым хронологическими комплексами стратиграфического раскопа-2. Но он там явно отсутствует и наличествует южнее и выше в материалах линзы.

Несомненно, раннее поселенческое ядро городища Шымкент возникло на канале, выведенном из Кочкар-аты, истоки которого, очевидно, находились выше – у начала реки. На плане города второй половины XIX века, опубликованном в Туркестанском альбоме, показаны два хауза внутри шахристана [14, с.113], которые питались водою из подведенного канала от Кочкар-аты. Очевидно, канал существовал на протяжении многих столетий, что отчетливо наблюдается в стратиграфии раскопа-2, особенно по нижним ярусам. Рельеф местности, характеризующийся естественным понижением, хорошо прослеживается по западной и северной стенам раскопа. Позже проложенный арык фиксируется по уровню культурных слоев средневекового периода в разрезе восточной стенки стратиграфического раскопа-2.

Городище Шымкент сохранилось для археологической науки Казахстана в качестве позднесредневековой кокандской крепости, которая еще до экспансии кокандского ханства имела фортификационные сооружения и выдерживала длительную оборону, т.к. по письменным источникам известно, что в 1810 году Чимкент и Сайрам выдержали двадцатидневную осаду кокандской армии под командованием Алимхана. Начиная с 1821 года,

кокандские власти, закрепившись на территории Южного Казахстана, стали распространять свою власть на юго-восток, вследствие чего ими была построена цепь крепостей от Чимкента до реки Или [15, с.19, 98-99].

Исследования по верхнему строительному горизонту городища полностью подтвердили сведения письменных источников. Несомненно, поздние перестройки происходили несколько раз, возможно, перед самым вторжением русских войск. Разрезы северной стены и исследования восточной оборонительной башни установили, что крепость была перестроена несколько раз во второй половине XIX в.

Ни в одном раскопе рабадов Шымкента, не обнаружена керамика чагатаидского времени, что, в свою очередь, подтверждает датировку запустения участков рабадов в X в. Подтверждает это и стратиграфический раскоп-2 городища, с этой поры и далее наблюдается горизонт пожарищ со следами разрушения. Выявленный нами в раскопе-2 по уровню пожара пятый хронологический комплекс соответствует X-XII вв. Очевидно, в это время город уменьшается, и основная его жизнь продолжается лишь на территории шахристана, что подтверждается археологическими материалами. В то же время, случайные находки, датируемые XIV- XV вв., изредка встречаются и за стенами шахристана – в районе автовокзала.

Топография городища Шымкент характерна для крупных и хорошо укрепленных средневековых городов-крепостей. О топографии города более древнего периода судить трудно, хотя, возможно, он также имел цитадель и пригороды. Если же проводить параллели с соседними городами, то Шымкент по своей топографии, очевидно, был аналогичен таким городам, как городище Куйруктобе Отрарского оазиса.

На основе анализа стратиграфии и находок городища Шымкент, периодизация археологических комплексов выглядит следующим образом:

1.Комплекс Шым-1: является комплексом эпохи первоначального зарождения поселения на месте Шымкента и соответствует раннекангюйскому периоду, имея хронологические рамки – вторая половина III в. до н.э. – I в. до н.э. Материалы комплекса, наряду с местной архаической керамикой, содержат экземпляры фрагментов посуды эллинизированной культуры Согда.

2.Комплекс Шым-2: формируется в период становления поселенческих структур в исследуемом регионе и соответствует Кангюйскому периоду – I в. до н.э. – III в. н.э. Данный комплекс синхронен первому этапу отырарско-каратауской культуры и выявлен из линзы гончарных производственных отходов, обнаруженной по южному фасу городища Шымкент.

3.Комплекс Шым-3: выявлен главным образом в раскопе-2 и соответствует второй хронологической группе данного раскопа, где датируется III-IV вв. Он синхронен началу второго этапа отырарско-каратауской культуры. Керамика данного комплекса имеет признаки, тяготеющие к джетысарской культуре.

4. Комплекс Шым-4: соответствует последнему – завершающемуся этапу отырарско-каратауской культуры и датируется IV-VI вв. Материалы

комплекса зафиксированы и происходят, в основном из раскопа-2. Отдельные аналоги керамики из комплекса встречены в первых хронологических группах раскопов-1,3, где они имеют более широкие хронологические рамки.

5. Комплекс Шым-5: датируется VI-VIII вв. Происходит, в основном, из четвертого хронологического комплекса раскопа-2. Он соответствует эпохе раннего средневековья и финальному этапу отырарско-каратауской культуры. Отдельные фрагменты комплекса встречены также в первых хронологических группах раскопов-1,3.

6. Комплекс Шым-6: имеет хронологические рамки IX-X вв. и соответствует саманидскому периоду. Найден, в основном в раскопе-1 рабада Шымкент (комплекс средневековой керамики).

7. Комплекс Шым-7: достаточно полно представлен набором основных типов керамики средневековья и соответствует эпохе караханидов и хорезмшахов – XI в. – начало XIII в. Он происходит из раскопа-2 (пятый хронологический комплекс), фиксируется в раскопе-3 (вторая хронологическая группа).

8. Комплекс Шым-8: соответствует эпохе джатаидов – XIII-XIV вв. Выявлен только в раскопе-2 (шестой хронологический комплекс).

9. Комплекс Шым-9: датируется XVII-XVIII вв. Выявлен во всех раскопах городища и представляет собой следы обживания шахристана в эпоху казахских ханств.

10. Комплекс Шым-10: формируется в XIX веке. Практически фиксируется во всех раскопах шахристана и рабадах. Соответствует периоду кокандского ханства.

Пятый раздел – «Истоки и динамика развития городской культуры Испиджабского округа».

В свое время В.М. Массон, изучая истоки городской культуры Средней Азии, писал: «Новые материалы со все большей убедительностью показывают, что истоки процесса урбанизации Средней Азии, по крайней мере для южных ее районов, следует искать в памятниках эпохи бронзы. С нашей точки зрения, можно говорить о двух эпохах в урбанизации Средней Азии – древневосточный (конец III – середина I тыс. до н.э.) и античный (III в. до н.э. – IV в. н.э.)» [16, с.6].

В.М. Массон определил хронологию начального этапа урбанизации, анализируя материалы памятников эпохи бронзы южных районов Средней Азии (Намазга-Депе, Алтын-Депе, Яз-Депе, Сапаллитепе и др.) и выявил их древневосточные корни. Отметим, речь шла тогда о территории бассейна Амударьи. В изучаемом районе нами были открыты поселения эпохи бронзы. Эти памятники, несомненно, являются первой ступенью в процессе урбанизации Испиджабского округа.

Поселение бронзового века обнаружено во время исследования могильника раннежелезного века Бургулюк-2, расположенного в 40

километрах к юго-востоку от Сайрама у одноименного урочища северо-западных склонов хребта Каржантау¹.

Исследователи кулусайской культуры поздней бронзы, выделенной на территории горных районов северного Тянь-Шаня, отмечают определенную закономерность в выборе места обитания, которое характеризуется расположением поселений на грани лесной зоны и альпийских лугов [17, с.121].

В этой связи обживание предгорных склонов Каржантау с богатыми лесными запасами в эпоху поздней бронзы вполне закономерно, и место для данного поселения, в некоторой степени, схоже с поселениями Кулусайского типа. Керамика здесь найдена только во фрагментах, она формована без применения гончарного круга ленточным способом или выдавливанием из кома глины, кострового обжига. В качестве отощителя использовался толченый ракушечник, гипс и реже – мелкий песок. Венчики всех типов сосудов нередко украшались поперечными насечками (ногтевой орнамент) или линиями, а поверхность – гребенчатым, линейным и штампованным орнаментом, нанесенным по сырому тесту в виде елочки, реже – зигзагом. Поверхность большинства сосудов тщательно до блеска затиралась или намеренно залащивалась. По имеющимся формам всю посуду можно разделить на следующие типы: котлы, горшки, чаши.

Керамика подобного типа была распространена в XII-IX вв. до н.э. в Южном Зауралье, в Казахстане, в северных районах Средней Азии. Схожая посуда извлечена при строительстве Ташкентского канала, где она определяется эпохой начала железного века [18, с.10-16]. Близкие формы, мотивы орнамента и способы его нанесения относятся к кулусайской культуре и представлены на поселениях Асы и Тургень в Заилийском Алатау [17, с.115, рис.5,28, 29, 47]. Очень близкое сходство имеет керамика этого поселения с керамикой кайракумской культуры Ферганы, выявленной в свое время Б.А. Литвинским [19].

Вместе с тем, керамика поселения Бургулюк имеет отличительную особенность: отсутствие рельефного пояса в нижней части горловины и жемчужного орнамента, характерного для позднебронзового времени. При этом в отдельных случаях венчик больших сосудов оттянут наружу, имея форму треугольника, который почти всегда орнаментируется насечками. Техника орнаментации сосудов состоит из гладкого и гребенчатого штампа, прочерченных линий и углублений. Большинство сосудов формованы дощечкой, следы которой наблюдаются на поверхности керамики. У некоторых сосудов верхнее основание венчиков приплюснуто во время формовки. В найденном комплексе имеются образцы, характерные по своему обжигу для сакской керамики, что может служить основанием для датировки керамики из поселения IX в. до н.э. или X-VIII вв. до н.э.

¹ На западном крае могильника у кургана 10 была обнаружена часть разрушенного жилища бронзового века с круглой планировкой.

Некоторые горшки имеют сильно раздутое тулово и переход к тулову от прямой шейки. Подобной формы сосуды встречены и среди комплексов Асы и Тургенъ Заилийского Алатау, где такая структура объясняется исследователями влиянием среднеазиатских комплексов [17, с.118]. В то же время некоторые формы и орнаментальные мотивы бургулюкской керамики (особенно оформление закраины венчика) имеют сходство с керамикой из поселения Теренкара, открытого на северной окраине города Алматы, где она датируется IX-VIII вв. до н.э. [20, с.261,268].

Из всех этих комплексов керамика поселения Бургулюк ближе всего соответствует керамике кайракумской культуры. Это, на наш взгляд, подтверждается аналогичными формами посуды и отсутствием у обоих комплексов валиков под венчиком, чего нельзя сказать о других проанализированных комплексах. Но у кайракумской культуры мало керамики с насечками, которые у бургулюкской встречаются повсеместно. В то же время керамика поселения Теренкара имеет аналогичные насечки по венчику. Б.А. Литвинский, открывший кайракумскую культуру, определил ташкентский оазис как периферию этой культуры, за которой на востоке до Семиречья включительно начинается другая группировка племен степной бронзы [19].

Несомненно, керамика поселения Бургулюк Испиджабского района синхронна с памятниками Заилийского Алатау, низовий Сырдарьи, Хорезма поздней бронзы, где она датируется XI-VIII вв. до н.э., и представлена комплексами Кулусай, Теренкара, Тагискен, Тазабагъяб, Амирабад, Суярган, Кайракум.

Следует отметить, что изученное нами в урочище Бургулюк поселение по своим археологическим характеристикам, несомненно, связано с памятниками степной бронзы последнего этапа. Материалы памятника, безусловно, относятся к андроновской культурной общности. Однако, вместе с вышеописанной керамикой, на поселении было найдено некоторое количество венчиков котлов более южного происхождения. Они схожи с посудой бургулюкской культуры Ташкентского оазиса, которая, в свою очередь, связана с памятниками расписной керамики юга Средней Азии.

К примеру, комплекс керамики поселения Теренкара, выявленный Ф. Григорьевым в окрестности Алматы, помимо плоскодонной горшковидной формы посуды, характерной для финального периода бронзового века, содержал и круглодонные сосуды с росписью красной краской в виде зигзагов и треугольников, имеющих аналогии в материалах расписной керамики Средней Азии.

По мнению В.И. Сарияниди, истоки чусткой культуры Ферганы и культур соседних с ней районов уходят своими корнями к археологическим комплексам типа Тиллятепе Афганистана и Хоросана. Он считает, что южносреднеазиатские и североафганские памятники представляют собой общекультурное единство, выраженное как в материальной культуре, так и в монументальном зодчестве. Основной ареал распространения культуры расписной керамики В.И. Сарияниди определяет от оконечности

Каспийского моря и предгорий Копетдага до Ферганской долины включительно [21, с.40-42].

Несколько по-иному этот вопрос трактует Х. Дуке, исследовавший бургулюкскую культуру Ташкентского оазиса. По его мнению, переход племен степной цивилизации андроновского круга к оседлому образу жизни не мог не сказаться на культуре местного населения, что привело к трансформации культуры степных племен и образованию бургулюкской культуры [22, с.80-89].

Признание этого тезиса правомерно, так как в последующие периоды повсеместно наблюдается отсутствие материалов, явно тяготеющих к андроновской общности или же характеризующих переход последней к иным культурам. Этот факт и наводит на мысль об изменении в целом традиций керамического производства. Примечательно, что в изучаемом районе так же, как и в Ташкентском оазисе, где была обнаружена бургулюкская культура, не найдены до сегодняшнего дня погребальные памятники позднего и финального периода бронзового века как бургулюкского типа, так и степного облика. Подчеркнем: позднего и финального периода.

Возможно, отсутствие могильников этого периода как в Ташкентском оазисе, так и в Испиджабском историко-культурном районе, объясняется, в первую очередь, самим обрядом захоронения племен этой эпохи, который мог существенно отличаться от более раннего времени, имея способы кремации или выставления трупов. Это было время формирования зороастрийской культово-ритуальной практики в Средней Азии, когда туранцы и иранцы Авесты переходят повсеместно к выставлению своих усопших и очищению их костей.

Поселение эпохи позднебронзового периода, изученное нами в урочище Бургулюк Испиджабского округа, несомненно, совпадает по своим хронологическим рамкам с первым этапом бургулюкской культуры Ташкентского оазиса. Его хронологические рамки, судя по аналогиям, колеблются в следующей хронологической шкале: XII-IX вв. до н.э. или XI-VIII вв. до н.э. Но в конце позднебронзового периода произошли значительные перемены, и рядом с изученным поселением появляется дом округлой формы.

На наш взгляд, культура древнего Испиджаба развивалась синхронно с ближайшим соседним историко-культурным районом Ташкента. При этом возникает вопрос о конкретных путях соприкосновения и взаимодействия культур населения Испиджабского района с соседними районами в последующие эпохи.

Политическая и этническая история региона, позже зафиксированная в письменных источниках, указывает на расселение в районе среднего течения Сырдарьи племен сакской конфедерации, и следующий этап культурогенеза Испиджабского района связан с сакским этническим компонентом. Вопрос о расселении саков и их политической истории имеет обширную литературу, в содержании диссертации использованы материалы по изучению бассейна

средней Сырдарьи, собранные В.В. Григорьевым, С.П. Толстовым, К.А. Акишевым, Б.И. Вайнберг и др.

В исследуемом районе расположены многочисленные курганные могильники, тяготеющие по всем своим признакам к культуре саков. Эти памятники, хотя и напрямую не связаны с возникновением оседлой цивилизации соседних районов, позволяют ближе узнать культурогенез племен сложивших в регионе основу городской культуры. Именно их ближайшие потомки сыграли решающую роль в урбаногенезе районов Испиджаба, Шаша и Семиречья.

В изучаемом районе нами исследовано два могильника, относящиеся ко времени раннего железного века. Первый – Бургулюк-2 – перекрывал поселение эпохи бронзы. Он состоял более чем из 20-ти подкурганых захоронений и к настоящему времени изучен полностью. Могильник Бургулюк-4 находился в одном километре восточнее могильника Бургулюк-2 и изучен лишь частично.

Могильник Бургулюк-2 находился на возвышенности небольшого водораздела. В западной, наиболее высокой части расположен самый большой (высота 1,35 м, длина в диаметре 18 м) курган. К нему с востока цепочкой примыкает остальная курганная группа, где насыпи имеют в диаметре размеры от 12 до 4 м, высоту – 0,4-0,5 м.

В центре главного кургана вскрыта погребальная камера, ориентированная на север-юг. В ее сооружении использовалось дерево, возможно, в качестве перекрытия погребения. Захоронение неоднократно было ограблено. Остальные погребения могильника совершены на древней дневной поверхности или с небольшим углублением в материк. Ямы овальные или круглые, стенки ям выложены камнем или монументальными плитами. Все захоронения еще в древности были разграблены, однако по останкам костяков, зафиксированных в некоторых могилах *in situ*, удалось реконструировать черты погребального обряда. Все погребения (кроме центрального – на север) вытянуты на спине черепом на запад с небольшим сезонным отклонением. В некоторых курганах находятся по два костяка, уложенных головой друг против друга в широтном направлении. Часто в курганах головы умерших приподняты, как бы лицом к восходу солнца. Под ними зафиксирован слой чистой золы и охры.

Поиски аналогии материалам могильника привели нас в мир культуры кочевников Южного Урала, Северного Прикаспия и Приаралья.

Керамический комплекс могильника представлен, в основном, битой, реже – целой посудой. Среди них необходимо отметить горшки и фляги. Горшки имеют грушевидную или близкую к ней форму. Схожие горшки встречаются среди комплекса Чирик-рабата. С.П. Толстов, изучавший эти материалы, отмечает, что близкие параллели горшкам с Чирик-рабата найти трудно, но какое-то сходство имеют горшки нижнего Поволжья и Южного Приуралья IV-III вв. до н.э. [23, с.152]. Позже Б.И. Вайнберг и Л.М. Левина, детально сопоставляя находки с материалами Чирик-рабата, отметили, что эти горшки имеют наиболее близкие аналогии среди сакских памятников

низовья Сырдарьи VII-V вв. до н.э., сарматской и савроматской культуры Поволжья и Приуралья, а также среди керамики комплекса Джетыясар-1 [24, с.56].

На основе всего комплекса мы датируем могильник Бургулюк-2 IV-III – или – III-II вв. до н.э.

Совершенно другой обряд захоронения был встречен в могильнике Бургулюк-4, где все захоронения осуществлены в грунтовых могилах с широтной ориентацией. Некоторые курганы имели подкурганную (около 1 м от дневной поверхности) кольцевую выкладку. Во всех курганах найдено по два сосуда. Сооружение могильной конструкции и сам обряд погребения проходил в несколько этапов. Первоначально в яме, выкопанной в материке, разводили огонь. Далее обгорелую поверхность покрывали глиняной обмазкой. Затем на дно ямы укладывали покойника и покрывали циновкой (?). Справа от ямы на уровне бедер устанавливали два сосуда с погребальной пищей. Ближе к голове клали часть туши барана, где, в основном, использовались ребра и позвоночник животного. После засыпки могилы сооружалась каменная насыпь.

Данный могильник, несомненно, является родовым некрополем, где совершались фактически одновременные захоронения. Однако, керамика могильника состоит из двух совершенно разных комплексов посуды, отличающихся по качеству и технологии изготовления. Первый тип – различные по размеру круглодонные миски, круглодонные кувшины, выполненные ручным ленточным способом. Такая посуда характерна для керамики скотоводческих племен Центральной Азии. Она имеет обширную географию и хронологические рамки. Эта посуда широко бытовала в сакоусуньское время, где она датируется казахстанскими исследователями III-II вв. до н.э. [25, с.265-266]. Из близких аналогий отметим материалы могильника Кенсай, расположенного на северных склонах Каратау, датируемого А.Г. Максимовой III в. до н.э. – I в. н.э. [26, с.100-106]. Некоторые исследователи кувшины могильника со схожей формой называют кринкообразными сосудами. Они широко встречаются среди керамики сакоусунь Семиречья и датируются в вышеуказанных хронологических рамках [25, с.102-104]. Более удрежденную дату имеют схожие сосуды могильника Южный Тагискен, Уйгарак Приаралья, где они датированы VII-V вв. до н.э. [27, с.40,354]. В комплексах памятников куюсайской культуры данная посуда найдена в ее раннем этапе и датируется VII–серединой VI в. до н.э. [28, с.117,118,394]. Схожие по форме сосуды мы находим также среди комплекса чирикратской культуры [24, с.362].

Второй тип керамики имеет совершенно иную форму, состав теста и способ изготовления. Эти сосуды тяготеют к материалам античных урбанизированных оазисов Средней Азии V-VI вв. до н.э., где известны в позднеахеменидское время и типологически восходят к поздним вариантам керамики цилиндрико-конических форм, широко распространенных к югу от бассейна Сырдарьи, в Хорезме, Согде и еще южнее.

Их близкие аналогии хорошо стратифицированы и достаточно подробно описаны в литературе. Эта посуда, несомненно, импортного происхождения. Она имеет иную фактуру и выполнена в других технологических условиях. Посуда изготовлена на гончарном круге быстрого вращения из чистой светло-коричневой глины, в изломе светло-оранжевого цвета с высветленной поверхностью.

Кубки из курганов могильника морфологически находят параллели среди аналогичных кубков комплекса Яз-II – 650-500 гг. до н.э. [29, с.183-184,353], но в данном случае сосуды эти имеют сглаженный в разрезе профиль, без подчеркнутых ребер и валиков, что указывает на их более молодой возраст. Близкие формы этим кубкам мы находим среди комплексов чирикратской культуры V- II вв. до н.э. [24, с.362].

Другой кубок, имеющий сферическую форму, встречается в керамическом комплексе Самарканда конца IV вв. до н.э. [30, с.203] и в комплексе Чирикрат-2 [24, с.362].

И, наконец, широкие миски с профилированным венчиком имеют аналогии в материалах чирикратской культуры [24, с.362], Хорезма раннекангюйского времени IV-I вв. до н.э. [31, с.447; 32, с.129,138]. Все это указывает на активные культурно-экономические связи саков правобережья Сырдарьи с Согдом и Хорезмом в середине первого тысячелетия до н.э.

Как видим, весь комплекс находок могильника Бургулюк-4 имеет хронологические рамки в пределах V-II вв. до н.э, за исключением цилиндрической посуды, у которой период бытования, судя по Среднеазиатским аналогиям, занимает более узкие хронологические рамки, что позволяет нам уверенно датировать могильник Бургулюк-4 концом или последней четвертью IV в. до н.э., так как позже подобной формы керамика в Согде уже не производится: там начинается эпоха эллинизма, сопровождавшаяся радикальной сменой технологии и типологии гончарной посуды. Этот период связан со временем вторжения войск Александра Македонского в Согд, где, согласно источникам, завязалась кровопролитная битва войск Александра со Спитаменом и поддержавшими его сакскими племенами.

В какой-то мере наши выводы согласуются с результатами исследований, проведенных на могильнике Беткайнар, где учеными было установлено существование культурной связи между саками Семиречья и Греко-Бактрии [33]. Связь Испиджаба и Согда этого периода продолжается уже в самых нижних слоях городища Шымкент.

Следует отметить особенности погребального обряда могильника Бургулюк-4. Обряд погребения с использованием огня характерен для многих памятников сакского, скифосарматского круга и имеет широкую географию и хронологические рамки. Если же коснуться непосредственно долины реки Сырдарьи и Приаральского региона, то нужно отметить, что учеными обряд очищения огнем фиксируется здесь, начиная с эпохи бронзового века.

В то же время следует отметить, что в могильнике Бургулюк-2 наблюдаются явные признаки, имеющие корни в мире сарматов. Во-первых,

все могилы сконцентрированы возле главного кургана, в котором, несомненно, был захоронен родоначальник. Во-вторых, центральный курган имеет впускные захоронения, расположенные вокруг первоначального, что характерно для обряда памятников сарматского круга. В-третьих, подавляющее большинство захоронений осуществлено практически на древней дневной поверхности. Налицо наличие огненного ритуала, также характерного для этой культуры.

Безусловно, миграция сарматских племен из традиционного района обитания на юг и юго-восток имела многоэтапный характер и длилась, надо полагать, не один век, что и привело к определенному синкретизму погребального обряда племен изучаемого нами могильника. Поэтому материалы некрополя Бургулюк-2 нельзя сопоставлять с этническими сарматами в прямом смысле этого слова. В них есть лишь элементы (параллели) сарматской культуры, свидетельствующие о былых контактах, где в то же время наличествуют признаки культуры саков.

В этой связи материалы могильника Бургулюк-4, изученного нами, позволяют сделать вывод о том, что северные склоны Каржантау до Шашского оазиса включительно в IV-III вв. до н.э. были периферией сакских скотоводческих племен, имевших единый этно-культурный массив с саками Семиречья. Именно эти племена создали базис, на котором в Семиречье возникает государство Усуней, а на средней Сырдарье – Кангюй, известные по письменным источникам со II вв. до н.э.

Большинство ученых единодушны в том, что коренные земли государства Кангюй находились на Сырдарье. Исследуемый же нами Испиджабский историко-культурный район, несомненно, входил в эти земли. Необходимо учитывать и тот факт, что некоторые исследователи считают тождественным Кангхи Авесты с Кангюем Чжан Кянья и Кангом «Шахнаме» [34, с.177].

Канг, Кангдз или же Кандждех известен по средневековым арабоязычным письменным источникам. В частности, по ал-Идриси, он расположен в 2-х днях пути от Испиджаба.

Г.В. Птицын сопоставил Канг «Шах-наме» с Кангюем китайских письменных источников. Более сложным, по его мнению, является отождествление Сиявушгирда. Приводя рассказ о создании города Сиявуша в поэме «Шах-наме», Г.В.Птицын подводит к мысли, что подобный город, если таковой существовал, должен был находиться поблизости от владыки Турана-Афрасиаба [очевидно, его столицы] и, на наш взгляд, справедливо [35, с.307-308].

Вопрос этот рассматривался С.Г. Кляшторным, у него и указана подробная библиография данной темы. С.Г. Кляшторный считает, что Фирдоуси так же, как и ас-Са'алаби, сохранил авестийскую традицию. Ученый утверждает, что нельзя делать на этом основании прямые выводы о локализации авестийской Кангхи на том месте, где ее определяет Фирдоуси. Сопоставив многочисленные сведения из различных письменных

источников, он определил Кангу Фирдоуси на месте Отрарского оазиса при впадении реки Арысь в Сырдарью [34, с.164-170].

С мнением С.Г.Кляшторного трудно не согласиться, так как прямых указаний в Авесте на место нахождения Кангхи нет. Там лишь сказано: «Канха – пресвятая» [36, с.36-37], без конкретной географической привязки. На этот счет имеются полярные взгляды: горы Канхи локализируются в Иране, в Ташкентской области и Южно- Казахстанском Каратау [37, с.109].

И все же, насколько реальны географические сведения «Шах-наме»? Наше желание ответить на этот вопрос объясняется упоминанием в данном источнике Испиджаба, который был вовлечен в события, описанные в поэме.

Фирдоуси жил во второй половине X века, поэтому нельзя не согласиться с мнением Ф.И.Шмидта, что Фирдоуси: «...был поэтом, а не историком, он мог отразить в своем произведении только то, что было при нем, что он сам видел» [35, с.295]. Если имеются какие-то исторические реалии, переданные Фирдоуси в поэтической форме, то они касаются той эпохи, к которой был причастен поэт.

С.Г. Кляшторный, обосновывая месторасположение Канга «Шах-наме», пишет: «... положение Канга – города и области – определяется совершенно четко: к северу от Испиджаба, на его границах; «река Канга» – Сырдарья, носящая в поэме и другое название – Гульзаррийун. Само имя *река Канга* образовано по типу названий *река Шаша*, *река Ходжента*» [34, с.166-167].

В тексте Ибн Хордадбега о реке Кангар говорится следующее: «...воды по ту сторону Джайхун *реки Балха*: из других великих рек наподобие Джайхуна *Ашар (Хашарт)*, а это река, называемая *Канкар*, расположенная вблизи владения Шаш; река, называемая *Турк*; река, называемая *Суйават*; река, называемая *Таразаб*; и др., по которым плывут большие суда в страну тюрок, вплоть до пределов ас-Сина; все эти реки текут с востока на запад [3, с.178]¹.

Что же касается реки *Ашар (Хашарт)*, которая называется *Канкар*, то в текстах Ибн Хордадбега эта река пишется как *ashart*, где начальное *h* и конечное *t* являются реконструкцией. Дело в том, что в тексте Ибн Хордадбега написание названия реки дано неполно. Название реки [X]ашар[t], которое читают большинство исследователей, в том числе и Н.Велиханова, на самом деле состоит из четырех букв. После пропуска идет неясное написание первой буквы, которая не читается, затем идут согласные *ш* и *р*, финальная согласная дается без диакритических знаков, что способствует появлению нескольких вариантов для прочтения слова [3, с.178].

Тем не менее, большинство исследователей причисляют [X]ашар[t] к самой Сырдарье, когда собственно из текста сочинения Ибн Хордадбега – «...из других великих рек наподобие Джайхуна *Ашар (Хашарт)*...» – ясно следует, что речь идет о самостоятельных других реках.

¹ Примечание – Консультации по переводу текста из первоисточников сделаны востоковедом Ш.З. Камаллидиновым.

Доказательством чему служит следующий список рек по тексту Ибн Хордадбега: *Турк, Суйават, Таразаб*, переданный вместе с *[X]ашар[m]*. И так, по нашему мнению, *[X]ашар[t]* – река, которая называлась также *Канкар*, находилась вблизи страны Шаш и не была Сырдарьей. Тогда возникает вопрос, о какой реке вблизи страны Шаш писал Ибн Хордадбех?

Испиджаб граничит с севера не с округом Отрар, а с другим округом и крупным городским центром, имя которому – Кенджида. Мы убеждаемся, что *Канха* «Шах-наме» – реально существовавший географический объект, и он тождествен *Гунюй/Кунгуй* Сюань-цзана, который локализован нами на месте городища Жуантобе. При этом раскладе река *Канга* однозначно не Сырдарья, а Арысь (!), так как Жуантобе – *Кунгуй* – расположен в долине Арыси. Это обстоятельство поясняет и тождество *[X]ашар[t]* и *Канкар* Ибн Хордадбега. В обоих словах наличествует гидронимический элемент *ар*, рассмотренный нами ранее при локализации Арсубаникета. Нетрудно увидеть в слове *Ашар* Ибн Хордадбега гидроним Арысь, где, как нам кажется, легко заметна метатеза – *Ашар~Араш(с)*. Гидроним же *Канкар*, несомненно, образовался по названию населенного пункта Канк (*Гунюй/Кунгуй*), расположенного в его долине. Если элемент *ар* здесь выступает в значении вода, то *Канкар* – это название реки города Канга (Канха), которое является синонимом названию *Ашар*.

В Испиджабском историко-культурном районе расположены земледельческо-скотоводческие поселения, возникновение большинства из которых исследователи относят к рубежу нашей эры и связывают с государством Кангюй. Эти поселения, бесспорно, относятся к отрарско-каратауской культуре. Нами в исследуемом районе изучено три из них: поселение Кайтпас-1, поселение Бургулюк-1, Бургулюк-2, поселение Улыктобе. Они являются второй ступенью в урбанизации Испиджабского округа и генетически связаны с последующими этапами становления городской культуры. Среди этого списка выделяются поселения Кайтпас-1, Бургулюк-1,2, которые, по своим топографическим признакам, по классификации некоторых исследователей, относятся к округлому (овальному) *тобе*. Из этого списка выпадает Улыктобе, имеющее иную топографию.

Однако вопрос генезиса данных поселений остается открытым, хотя их изучение уже имеет свою историю, в связи с чем в работе характеризуются труды по этому вопросу А.Н. Бернштама, Е.И. Агеевой, Г.И. Пацевича, Т.Н. Сениговой, Л.М. Левиной, Н.П. Подушкина, А.Н. Подушкина и др.

Следует отметить, что во всех изученных нами поселениях (Кайтпас-1, Бургулюк-1,2, Улыктобе) в предматериковом уровне имеются зольниковые слои. К примеру, на поселении Кайтпас-1 они прослеживаются на несколько десятков метров от основания памятника, чего нельзя сказать о поселениях Бургулюк-1,2, Улыктобе, где зольники располагаются в пределах поселения.

Керамика из этих слоев поселения по составу теста, технике изготовления, формам четко разделяется на две группы и хорошо фиксируется стратиграфически. В целом керамика первой и второй группы

имеет некоторое сходство. Первая группа непосредственно выявлена из «зольникового» слоя и, несомненно, связана с первым периодом обживания. Например, в поселении Кайтпас-1 имеются некоторые отличия в первой группе керамики, выраженные, прежде всего, в преобладании лепной сероглиняной посуды, наличии лепной круглодонной чаши, имеющей аналогии среди материалов сако-усуньской керамики в комплексах Шаш-1,2.

Эти же особенности имеются и у поселения Бургулюк-1,2, где в керамике первой группы, наряду с круглодонной миской, тяготеющей к комплексам бургулюкской культуры Ташкентского оазиса, имеется сероглиняная керамика несколько иной формы и технологии изготовления. К ним относится кухонная посуда, представленная донцами. Аналогичные донца зафиксированы на городище Шаштепе, где они отнесены к комплексу Шаш-II и приняты исследователями за импорт из левобережья Сырдарьи [38, с.44-45].

На поселении Улыктобе по нижнему горизонту обнаружены в большом количестве вьючные фляги. Прямые аналогии им мы находим в материалах могильника Бургулюк-2, где они сопоставлены нами с флягами чирикратской культуры и датированы III-II вв. до н.э. Эта дата была подтверждена находкой бусины спиралевидной формы, известной по материалам Центрального Казахстана еще с эпохи бронзового века [39, с.186,189]. Аналогии этой бусине обнаруживаются среди комплексов джетыясарской [40, с.226,341-343] и чирикратской культур [24, с.59,364], античных государствах Северного Причерноморья [49, с.239,347]. Исследователи отмечают их и в комплексах Сарматов прохоровской культуры и уверенно сопоставляют их бытование с эпохой эллинизма, что соответствует III-I вв. до н.э.

Миски из «зольниковых» слоев поселения Кайтпас-1, Бургулюк-1, Бургулюк-2 изготовлены на матерчатом шаблоне с добавлением песка. По внешней стороне черепок имеет следы лощения и коричневый оттенок. Следует отметить, что подобные круглодонные миски широко представлены среди материалов бургулюкской культуры Ташкентского оазиса и в комплексах Шаш-1,2, где они также сопоставляются учеными с сако-усуньской керамикой [42, с.66-70].

Аналогии сероглиняной посуды из этих поселений мы находим в материалах джетыясарской культуры, где они также отнесены к первому этапу. Л.М.Левина датировала керамический комплекс Джетыясар-I рубежом н.э. и III-IV вв., но тут же оговорила, что находки позднеримского времени с городища Джетыясар-№11 (монета и бронзовый трехлопастной наконечник стрелы «прохоровского» времени) дают возможность опустить нижнюю шкалу хронологии комплекса последними веками I тысячелетия до н.э. [43, с.64]. Она также отметила, что посуда этого периода в основном сероангобированная.

Если рассматривать эволюцию ранних поселенческих структур Испиджабского округа в контексте генезиса начального этапа каунчинской культуры, то, в первую очередь, необходимо разобраться в самой хронологии

этой культуры. Проблема датировки каунчинской культуры и её отдельных этапов имеет несколько вариантов, описанных в работах по этому вопросу Г.В. Григорьева, А.И. Тереножкина, Ю.Ф. Бурякова, Л.М. Левиной, М.И. Филанович и проанализированных в нашем исследовании.

Необходимо отметить, что датировка перехода бургулюкской культуры и перерастание ее в каунчинскую на примере комплексов Шаш-II и Шаш-III подтверждается в какой-то мере и материалами исследованных нами памятников.

Синхронизация комплексов городища Шымкент, являющаяся на сегодня единственно полной стратиграфической колонкой в исследуемом нами районе, с комплексами изученных поселений (Кайтпас-1, Бургюлюк-1,2, Улугтобе и др.) говорит о том, что в них имеются как формы местной керамики, так и керамики из Приаральского региона. Весь комплекс материалов поселения и сопоставление их с материалами могильников позволил датировать керамику первой группы из этих поселений III-I вв. до н.э. Этому периоду, очевидно, соответствует и время функционирования нижнего культурного слоя описываемых памятников, принимаемых исследователями за «стойбища». Здесь мы также должны отметить, комплекс Шым-1, являющийся комплексом эпохи первоначального зарождения поселения на месте городища Шымкент и соответствующий по нашей хронологической колонке раннекангуйскому периоду, который, несомненно, является синхронным периоду первого обживания вышеотмеченных поселений, датирован нами второй половиной III в. до н.э. – I в. до н.э. Материалы комплекса Шым-1, наряду с местной архаической керамикой, содержат, экземпляры фрагментов посуды эллинизированной культуры Согда и свидетельствуют о развитии гончарства городского типа.

В то же время мы должны отметить, что комплекс Шым-1, несомненно, синхронен комплексу Шаш-II и Шаш-III в колонке Шаштепе и соответственно является, подобно Ташкентскому оазису, переходным к оттарско-каратауской культуре. Но здесь мы должны уточнить, что в исследуемом нами районе еще не обнаружены памятники, предшествующие этому переходному этапу. Такие памятники были выделены М.И.Филанович в соседнем историко-культурном районе по комплексу Шаш-I, где он несет в себе ярко выраженные черты (землянки, полуземлянки, керамический комплекс и т.д.) завершающей стадии бургулюкской культуры. В наших же комплексах он выражен, в первую очередь, круглодонными чашами аналогичными шашским.

Резюмируя исследования, проведенные по нижнему уровню на поселениях Кайтпас-1, Бургюлюк-1,2, Улугтобе, городище Шымкент и др., и анализируя материалы, найденные учеными на схожих археологических объектах Южного Казахстана, Ташкентского оазиса и др., нужно отметить, что описание генезиса начального этапа оттарско-каратауской культуры еще имеет ряд вопросов и, в первую очередь, стратиграфического плана.

Однако на сегодняшний день мы можем сделать следующий вывод: в формировании начального (переходного) этапа складывания поселенческих

структур Испиджабского историко-культурного района играл заметную роль как местный, так и пришлый компонент. Местный был представлен сако-усуньским автохтонным компонентом. Причем по материалам могильника Бургюлюк-4, влияние согдийского компонента в керамическом производстве наблюдается уже начиная с V-IV в. до н.э. В то же время явно присутствует в комплексах могильника Бургюлюк-2 III-II вв. до н.э. прохоровский компонент, который наличествует синхронно в материалах Шашского историко-культурного района. В это время мы отмечаем появление керамики Согда в комплексе Шым-1 в городище Шымкент, чего не наблюдается в материалах Ташкента, но фиксируется в нижних слоях городища Канка.

Как видно из вышесказанного, начальный этап генезиса отырарско-каратауской культуры необходимо изучать в контексте формирования каунчинской культуры Ташкентского оазиса и джетасарской культуры в целом. Поэтому совсем недавно предложенный казахстанскими учеными тезис «Сырдарьинская историко-культурная общность» [44, с.164,168] следует признать как своевременный.

Итак, нижние слои изученных нами памятников соответствуют периоду перехода от «стойбищ» к поселениям и занимают временной отрезок III в. до н.э. – I в. до н.э. Как показали наши наблюдения, в определенный момент среди этнических групп – насельников этих жилищ происходят значительные перемены, и на месте этих «стойбищ» не позднее I в. до н.э. появляются глинобитные сооружения. Это явление наблюдается практически на всех памятниках Средней Сырдарьи, и не только.

Несомненно, такое могло происходить вследствие прихода в исследуемый регион других этнических групп, например, из Согда и района Приаралья. Из Приаралья это, возможно, связано с движением чирикратцев, сопоставляемых с даями (дахами), параллели культуры которых мы отмечаем и в наших материалах. Это в какой-то мере согласуется и с хронологическими рамками чирикратской культуры, которая прекращает свое существование к началу II в. до н.э. по причине изменения гидрографического режима дельты Сырдарьи [45, с.260-264].

В целом условия стратиграфического залегания комплексов на изученных нами памятниках позволяют определить нижнюю шкалу – I в. до н.э. – хронологии первого этапа отрарско-каратауской культуры. Эта хронология не противоречит нынешним устоявшимся датам и характеристике основных ее этапов и соответствует комплексу Шым-2 городища Шымкент. Здесь она синхронизируется с керамикой второй группы изученных нами поселений и относится к Кангуйскому периоду – I в. до н.э. – III в. н.э.

Керамика комплекса Шым-2 имеет все классические черты отрарско-каратауской культуры первого этапа, она находит многочисленные аналогии в памятниках долины реки Арысь (Караултобе, Каратобе, Алтынтобе и др.), где основным ее признаком является преобладание грушевидных форм, станкового горизонтального рифления, наличие ниже венчика посуды

рельефного валика. В качестве декора использовались ангобные потеки вишневого и коричневого цвета и др.

Отметим, что описанная керамика зафиксирована на городище Шымкент в линзе гончарно-производственных отходов. В этой связи вряд ли можно говорить, что керамика второй группы поселения Кайтпас-1, Бургулюк-1,2 была изготовлена там же, так как Шымкент в это время, очевидно, выступает в качестве городского центра, снабжавшего сельскую округу керамической продукцией. Данные поселения имеют малые размеры и расположены у родников, в отличие от городища Шымкент и Мартобе, Улыктобе, Каратобе и др., которые питаются от магистральных каналов. Последние имели выраженную систему фортификации, где нижние изученные нами слои находятся внутри крепостных стен.

Этому комплексу было посвящено немало работ, на анализе которых мы подробно останавливаемся в тексте диссертации. Здесь мы лишь отметим, что в материалах комплекса Шым-2 можно различить керамику, которая находит аналогии среди керамики Согда. К ним относятся большие глубокие чаши, называемые некоторыми исследователями тарелками. Они отмечены нами в комплексе Шым-2 и Мартобе. Эта посуда выполнена из хорошо отмученного теста, в отдельных случаях имеет декор в виде рифления и перегиб борта и закраины вовнутрь. Аналогии этим чашам мы находим среди стратиграфической колонки II-I вв. до н. э. Самаркандского Согда [30, с.204] и в других памятниках правобережья Амударьи.

Имеющийся по венчику сосудов этого периода профилированный валик, в большинстве своем с треугольным сечением, также, на наш взгляд, имеет свои истоки. Мы наблюдаем его в более раннее время среди комплексов керамики Хорезма и чирикратской культуры. В Хорезме, например, валик под венчиком хумов, фляг, чаш фиксируется среди комплекса раннекангюйской керамики, датируемый М.Г. Воробьевой IV в. до н.э. – I в. н.э. [46, С.93,99]. Если в Хорезме валик под венчиком хумов выражен ложбинкой, то на памятниках долины Арыси валик на хумах отсутствует, сохраняя традицию изготовления ложбинки, отделяющей горловину от венчика и выполняемой гончаром большим пальцем руки по сырому тесту.

Еще большую преемственность в особенностях этого декора мы находим среди комплексов чирикратской культуры [24, С.362]. Найденные в комплексах Шым-1 и поселения Кайтпас-1 крупные чаши также служат свидетельством этому. Подобные чаши встречаются в комплексах Каунчи-I [43, с.181]. Близкие формы встречаются на городище Кой-Крылган-кала [47, с.315], где они датируются IV-III вв. до н.э. Чаши с подобным профилем встречаются и в Хорезмском оазисе [46, с.93]. По-видимому, истоки приемов их изготовления находились в указанных районах.

По стратиграфической колонке Ташкента, комплекс Шым-2 синхронен Каунчи- II/a и Шаш-IV с датировкой – I-III вв.н.э. [48, с.143].

Следующий комплекс, Шым-3, выявлен, главным образом, в раскопе-2, где он датируется III-IV вв. Данный комплекс синхронен с началом второго этапа отырарско-каратауской культуры.

В этом комплексе преобладает керамика, в основном, имеющая темно-коричневое покрытие с лощением и декором в виде прорезанных по сырой еще поверхности сосуда геометрических орнаментов. Посуда со схожим приемом орнаментации и технологией изготовления найдена в материалах городища Шаушукумтобе [43, с.147]. Л.М. Левина, анализируя эти материалы, пришла к выводу, что керамика Шаушукумтобе, несомненно, принадлежит к комплексу каунчинской культуры. Однако орнаментация керамики Шаушукумтобе, начиная с нижнего горизонта, не характерна для других памятников Ташкентского оазиса. По мнению ученого, истоки декора керамики уходят в джетыясарскую культуру низовья Сырдарьи [43, с.146,149]. Г.И. Пацевич разделил культурные слои городища Шаушукумтобе на два хронологических периода – III-V вв. и VI-VIII вв. [49, с.90], по которым комплекс Шым-3 более соответствует первому.

Отметим также, что этот комплекс синхронен комплексу Шаш-V Ташкента, где джетыясарские элементы настолько явственны, что позволяют судить об определенных этнических передвижениях в среднесырдарьинском регионе [48, с.146].

В III в., в связи с экологическим кризисом, когда в степях наступила засуха, кочевые племена Центрального Казахстана, Южной Сибири, Восточной Европы под эгидой гуннов двинулись на юг, запад и юго-запад. Так началось «Великое переселение народов», вследствие которого в III-IV вв. в Согде отмечается сильное влияние культур среднего и нижнего течения Сырдарьи, каунчинской, отрарско-каратауской и джетыясарской. Таким образом, бассейн Сырдарьи и ее культурный комплекс вошли важнейшим составным компонентом в раннесредневековый этнокультурный комплекс Согда.

Следующий комплекс Шым-4 фиксирует дальнейшее развитие отрарско-каратауской культуры в изученном районе и датируется IV-VI вв. Материалы комплекса в основном выявлены в раскопе-2 по уровню XV-XVI ярусов. Он синхронизируется с материалами первой хронологической группы раскопов-1,3 городища Шымкент. Там эти материалы имеют более широкие хронологические рамки, продолжая бытовать в последующем комплексе городища. В этом комплексе мы наблюдаем, как подтреугольный в сечении валик под венчиком, разделенный от основания венчика ложбинкой, распространенный повсеместно в первом этапе отрарско-каратауской культуры, начинает вырождаться. У некоторых экземпляров он вовсе исчезает, оставляя в память о своем присутствии только лишь ложбинку.

В комплексе Шым-4 мы наблюдаем активное влияние на керамическое производство Испиджабского района Ташкентского оазиса, его каунчинской культуры, что указывает на тесные историко-культурные связи населения исследуемого региона с соседями. Данный комплекс хронологически полностью синхронен с комплексом Каунчи-II/Б, Шаш-V по колонке Шаштепе.

Комплекс Шым-5 датируется по колонке Шымкента – VI-VIII вв., соответствуя эпохе раннего средневековья и финального этапа отрарско-

каратауской культуры. Материалы комплекса синхронизированы с отдельными находками первой хронологической группы раскопов-1,3 Шымкента.

Многие формы керамики предыдущего комплекса продолжают бытовать. Появляются чашевидные курильницы и курильницы на ножках, бипротомные роговидные подставки и пирамидальные. В качестве декора широко используются пальцевые вдавления. Одной из отличительных особенностей в декоре керамики данного комплекса является наличие ложбинки, отделяющей тулово от горловины, которая, как правило, находится по основанию ручки. Данный прием орнаментации более характерен для керамики Согда [50; 51] и Шаша [42, с.82] VII-VIII вв. Комплекс Шым-5 синхронен комплексу Шаш-VI и Мингурюк-I,II Ташкента.

Если в предыдущем комплексе наблюдается активное влияние каунчинского фактора, то теперь заметно усиленное вторжение культурных традиций керамического производства Согда, несмотря на то, что регион находится под владычеством тюркских каганов. В то же время в исследуемом районе появляются древнетюркские каменные изваяния и тюркские поминальные комплексы в виде оград. Поминальные ограды фиксируются в могильнике Бургулюк-2.

В этот период Шымкент становится известным по сообщениям Сюань-цзана как Нуджикет и центр крупного региона. Города Южного Казахстана в это время имеют округлую в плане топографию, повторяющую, по сути, прежнюю топографию поселений Сырдарьинской историко-культурной общности.

Комплекс Шым-5 завершает хронологические рамки отрарско-каратауской культуры и как бы является переходным от раннего средневековья к развитому, когда происходят качественные перемены в градостроительстве Испиджабского округа. Это был период политической борьбы арабского халифата с тюрками, выступавшими под флагом китайской империи за главенство на территории Средней Сырдарьи. Борьба заканчивается победой арабов и их религии, вследствие чего в последующие времена происходят активные перемены не только в политической жизни, но и в материальной культуре региона, повлекшие за собой появление совершенно новых городов, с другой инфраструктурой и топографией.

Изучение стратиграфии шахристана городища Сайрам вкупе со случайными находками, сделанными в разное время на территории городища, дали материал не ниже IX в., который залегал непосредственно в культурном слое над материком.

Во всех комплексах керамика средневекового периода выделена в особую группу, названную нами эпохой саманидов и караханидов. Подобное эпохальное разделение не случайно. В письменных источниках имеется дата – 992 г., когда Богра хан Харун совершил поход в Мавераннахр, а перед этим захватил Испиджаб. С этого времени город вступает в эпоху караханидов, т.е. с конца X – начала XI вв. [52, с.507].

К какому выводу приводит изучение керамических комплексов городища Сайрам? Высказанное А.Н. Бернштамом и А.Г. Агеевой мнение о том, что городище не имеет керамики «согдийского облика», то есть предшествующей саманидской и караханидской эпохи, оправдалось. Но это утверждение не является свидетельством того, что город Испиджаб находился в другом месте. Изучение всей территории, прилегавшей к шахристану и ее керамических комплексов весьма показательны. Они подтвердили наш вывод о том, что город Испиджаб отождествляется с городищем Сайрам. Однако этот вывод делает актуальным вопрос о возникновении самого города Испиджаб. Памятники археологии, прилегающие к Сайрамскому городищу (Мартобе, Улугтобе, Каратобе), имеют поселенческую структуру. Эти поселения относятся к первому этапу оттарско-каратауской культуры, и их возникновение датируется концом первого тысячелетия до нашей эры. Соответственно в хронологической шкале Испиджаба появляется большая лакуна – от начала I тыс. н.э. до IX в.н.э.

Из сообщений письменных источников можно сделать следующий вывод: Нух ибн Асад захватил не город Испиджаб, а округ, а точнее – историко-культурный район, который имел название Испиджаб, чему, несомненно, предшествовали политические события, происходившие накануне похода Нух ибн Асада. По этому поводу ибн ал-Асир пишет, что Нух ибн Асад в 838-839 гг. завоевывает Касан и Ураст, расположенные в Фергане и нарушившие мирный договор. Следом он взял Испиджаб [8, с.187]. Сведения о покорении Касана и Ураста имеются у ал-Белазури и приписываются Нух ибн Асаду.

Из контекста понятно, что поход был осуществлен не случайно, а в карательных целях против тюрков, ибо было сказано, что они нарушили мирный договор. Несомненно, тюрки Испиджаба и Шаша играли в этом не последнюю роль, в связи с чем мы считаем, что Нух ибн Асад после карательного похода против тюрков был вынужден построить пограничную крепость, которой и явился город Испиджаб. Иными словами, Нух ибн Асад основал крепость Испиджаб и окружил стенами прилегающую территорию посевов, где, видимо, позже складываются рабады. Или город Испиджаб был основан накануне похода Нух ибн Асада. Как бы то ни было, топография города Испиджаб, упомянутая у ал-Белазури, соответствует действительности и выражена в топографии городища Сайрам.

Между тем, полностью отрицать отсутствие заселенности на месте города Испиджаба до его строительства нельзя. Хотя бы незначительные поселенческие структуры по логике вещей должны были существовать. Подобное положение дел характерно не только для Испиджаба этого периода, но и для других городов смежных историко-культурных районов, например, Бинкета. Так, О.Большаков полагал, что раннесредневековый Бинкет находился на месте средневекового Ташкента. Однако археологические исследования, проведенные на территории Ташкента, показали, что Бинкет не имеет слоев ранее X века. Раннесредневековый

Бинкет находился в другом месте и отождествляется с более ранним городищем Мингурюк [53, с.63-69; 48, с.188-189].

По материалам стратиграфических раскопов выясняется, что рабады Испиджаба сложились уже в X веке. Скуденность застройки наблюдается ближе к шахристану и фиксируется большим количеством культурных напластований (раскопы-3,5,7). Чем дальше от центра и ближе к окраине, тем меньшую плотность имеют культурные слои (раскопы-4,6,8). Рабады Испиджаба при этом развивались вдоль магистральных каналов, существующих и поныне на территории поселка Сайрам.

Разведка, проведенная на площади около 10 км в широтном направлении от центра поселка Сайрам, повсеместно выявила наличие подъемного материала в виде поливной и неполивной керамики X-XII вв., находящей свои прямые аналоги во всех восьми раскопах, произведенных на территории Сайрама. Ближе к окраине города рабады, очевидно, имели домостроения усадебного типа, так как отдельные находки подъемного материала прослеживаются узкой полосой в широтном направлении от окраины поселка на расстоянии до трех-четырех километров и опять же вдоль арычной системы. На месте скопления керамики в профиле грунта имеются небольшие возвышения 20-50 см. Подобные развитые рабады с домостроениями усадебного типа имели место в Шаше и Таразе в саманидское и караханидское время. [42, с.150-151; 48, с.162; 54, с.62].

Бывшие территории рабадов, ныне не занятые под постройки, повсеместно имеют насаждения и возделанные участки. То же самое наблюдается и по левобережью Сайрамсу, напротив поселка – на участке около пяти километров вдоль реки и шириной почти в один километр. Материалы раскопа-6 показали, что на левобережье рабады начинают развиваться с XI века, то есть с караханидского времени и, очевидно, выходят за пределы внешней стены. Опорным материалом в утверждении данного мнения служат рисунки внешней стены Сайрама, сделанные М.Е. Массоном и, судя по полученным археологическим материалам, не оставляющие никакого сомнения, что она была построена в IX веке при Нух ибн Асаде.

В ходе археологических работ удалось уточнить время и причины угасания рабадов Испиджаба. Особенно отчетливо это зафиксировано в раскопе-8, датированном нами XI-XII вв. Создается впечатление, что рабады в спешном порядке были оставлены, и поэтому многие предметы, как это имело место в раскопе-8, оказались брошенными. Ситуация, в которой были оставлены предметы, находит объяснение в письменных источниках. По этому повод Якут ал-Хамави в своем географическом словаре при описании города Испиджаб, сообщает, что Хорезмшах Мухамед за несколько лет до вторжения монголов завладел Мавераннахром и уничтожил царство Ханидов (Караханидов). Когда из ханидов, защищавших свои территории, не осталось никого, он приказал разрушить пограничные крепости, разграбить города и выселить их жителей.

К.М. Байпаков и Ф.П. Григорьев отмечают, что топографию городища Сайрам по планировке, протяженности валов и привязке к местности повторяют городища Тараз и Актобе в Семиречье, на основании чего они относят этот тип памятников, вслед за П.Н. Кожемяко, к городищам с длинными стенами [54].

По этому поводу П.Н. Кожемяко, полностью опираясь на работы П.П. Иванова и М.Е. Массона, приходит к выводу, что городища с длинными стенами Семиречья, в частности, Чуйской долины ведут свое начало именно с города Испиджаб, то есть повторяют топографию городища Сайрам. Этому в целом не противоречат и находки, сделанные на тех памятниках, где П.Н. Кожемяко проводил свои исследования [55, с.183].

Соглашаясь с высказываниями вышеназванных ученых, мы должны отметить, что прообраз городищ с длинными стенами мог находиться немного южнее, в Шашском оазисе. Им является город Бинкет, современник по археологическим материалам Испиджабу. Он локализован на месте Ташкента. У него, по письменным источникам, был рабад протяженностью около фарсаха с двумя рядами стен. В то же время мы не исключаем, что эти города могли возникнуть синхронно, в одно время, независимо друг от друга. Архитектура длинных стен диктовалась условиями жизни контактной зоны и политикой Саманидского государства.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что город Испиджаб первоначально возник как форпост в середине IX в. Освобожденный от налогов, говоря современным языком, он получил статус свободной экономической зоны. Этим и объясняется быстрый рост рабадов, которые свидетельствуют о миграции населения Маверенахра из Бухары, Нахшаба, Самарканда с целью организации колоний в стране тюрков.

Городская культура и экономика Испиджаба в период караханидов получает наивысший расцвет. Рабады Испиджаба, развиваясь, выходят за внешние стены. Городская знать строит в предгорной альпийской зоне ставки, усадьбы. Одна из них открыта и изучена нами у поселка Екпинды урочища Бургулюк, где была найдена баня-хамам, являющаяся на то время частью загородной резиденции крупного вельможи, не исключено, что самого владельца Испиджаба. Она датирована нами по обнаруженному керамическому комплексу концом X в. – началом XI в. и, что самое интересное, несет в себе все специфические черты структуры бани-хамам, являясь классическим и достаточно ранним ее образцом [56].

В период могольского заваевания происходят кардинальные перемены в городской культуре региона. Угасают рабады Испиджаба (Сайрама), Нуджикета (Шымкента). Прекращают свое существование города Бадухкет (Тортколтобе), Дахкет (Жыланбузган), Манкет (Булакковал), Хурлуг (Мазараттобе), Джумышлагу (Каратобе) и др.

С послемонгольского времени шахристан Сайрама и Шымкента имел плотную застройку, где мы наблюдаем, как культурные слои последующих эпох в виде множества мусорных ям прорезают нижние культурные напластования. Слабо выражена в культурных слоях памятников

джагатаитская эпоха. В тимуридскую эпоху в городской культуре региона наблюдается подъем, который синхронен с другими городами Южного Казахстана (Отрар, Туркестан, Сузак).

Значительный экономический подъем наблюдается в период казахских ханств XVI-XVII вв., когда Касымхан получает ключи от Сайрама [57, с.223]. В период же кокандского ханства – конец XVIII-XIX вв. наблюдается упадок, выраженный в керамическом производстве, который возможно был вызван массовым импортом русской фабричной продукции, хорошо фиксируемый в раскопов Шымкента и Сайрама. В то же время отмечается подъем в развитии культовой архитектуры Сайрама.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение археологических комплексов Сайрама, свидетельств письменных источников, где представлены топографические особенности Испиджаба (шахристан, рабад, медина, стены вокруг рабадов, городские ворота, вал вокруг частей города и т.п.), памятников культовой архитектуры, семантики топонимов, позволяет нам уверенно локализовать город Испиджаб на месте городища Сайрам.

По имеющимся материалам нами установлено, что городище Сайрам не имеет слоев ранее IX века, но этот факт еще не свидетельствует о том, что Испиджаб находился в другом месте. Территория города с многочисленными рабадами в период караханидов, судя по найденным керамическим комплексам, занимала огромную площадь. И нет сомнения, что средневековый Испиджаб находился на месте Сайрама. Однако отсутствие материалов более раннего периода позволило сделать вывод, что главный город Испиджабского историко-культурного района в раннее средневековое время находился в другом месте, и им был город Нуджикет, локализованный нами на месте городища Шымкент. Нуджикет был центром одноименного округа, которому подчинялись многочисленные населенные пункты и, несомненно, он предшествовал Испиджабу.

В решении вопроса о локализации Нуджикета основной упор был сделан на анализ топонимики, уточнение маршрута следования китайским паломником и измерение расстояния между населенными пунктами. В ходе археологических работ мы убедились, что Шымкент в эпоху Сюань-цзяна был крупным городским центром. Результаты археологических работ полностью подтвердили наши предположения относительно локализации Нуджикета на месте городища Шымкент. В то же время возникновение самого города уходит в глубь веков. Появление первых поселенческих структур города относится III-II вв. до н.э., что подтверждают находки керамики эпохи эллинизма Согда в комплексе Шым-1. В этой связи анализ археологических материалов урочища Бургулюк, полученных нами в течение ряда полевых сезонов, выявил важную хронологическую последовательность различных археологических комплексов, имеющую

принципиальное значение для установления особенностей культурогенеза и урбаногенеза Испиджабского историко-культурного района.

Древнейшим комплексом памятников Испиджабского историко-культурного района, безусловно, являются остатки жилищ бронзового века, изученные нами в урочище Бургулюк. Они залегают на материке и стратиграфически подстилают конструкции сакских курганов могильника Бургулюк-2, т.е. они предшествуют им. Как позволяют уточнить отдельные детали керамических находок из этих жилищ, они относятся к финалу этой культуры – XI-VII вв. до н. э.

Редкие находки венчиков котлов бургулюкской культуры Ташкентского оазиса были найдены в переотложенном состоянии (в насыпях курганов могильника Бургулюк-2), т.е. они, безусловно, предшествовали сооружению этих погребений.

Бургулюкская культура Ташкентского оазиса первоначально, по близким аналогиям Яз-1 и Кучук-1, датировалась в пределах IX-IV вв. до н.э. Основной отправной точкой в датировке служила хронологическая колонка Яздепе, предложенная впервые еще В.М. Массоном в пятидесятые годы XX в. Сейчас по материалам новых датировок Яздепе и аналогичным комплексам РЖВ. Тогда бургулюкскую культуру можно удревнить и датировать ее в пределах XII-VII вв. до н.э. По этим хронологическим рамкам можно утверждать, что поселение эпохи бронзы существовало синхронно с памятниками эпохи поздней бронзы Ташкентского оазиса.

Третий по времени комплекс – это находки могильника Бургулюк-4, который датируется V-IV вв. до н.э. Комплекс имеет керамику цилиндрико-конических форм, типичную для оазисов юга Средней Азии середины I тысячелетия до н.э. Более поздние и отдаленные аналогии дают раннеусуньские комплексы керамики Семиречья.

Далее хронологию культурогенеза региона продолжают материалы могильника Бургулюк-2 с погребениями на древней дневной поверхности, находящие аналогии в раннесарматских комплексах прохоровской культуры, датированной нами IV-III или III-II вв. до н.э.

Последующий хронологический комплекс представлен уже в самых нижних слоях поселенческой системы Испиджаба – городища Шымкент и других поселений, характеризующихся гипертрофированными по своей мощности стенами пахсовых кладок и обязательным наличием зольных прослоек. Указанная особенность хорошо выявляется не только в нижних слоях городища Шымкент, но и на вскрытых нами укрепленных поселениях Улуктобе, Кайтпас, Бургулюк и др.

Здесь материалы керамических комплексов обнаруживают генетическую связь с чирикратской культурой низовьев Сырдарьи, которая прекращает свое существование в Приаралье со II в. до н.э. Как показали находки самых нижних слоев городища Шымкент, в это же время здесь наблюдается инвазия некоторого числа населения Согда, привнесшего отдельные формы керамики Самарканда в III-II вв. до н.э. Этот период или археологический комплекс Испиджаба мы можем назвать предшествующим оттарско-каратауской

культуре. Урбанизация среднего течения Сырдарьи связана с миграцией саков Приаралья, которые уже в V-IV вв. до н.э. имели такие ранние города и укрепления, как Чиракрат, Бабишмула и др. Они же обладали и монументальной архитектурой с толстыми стенами, которые были обнаружены нами в самых нижних слоях древних городищ Испиджаба. Аналогичные материалы обнаружены в нижних слоях городища Канка в долине Ангрена.

В целом, основные этапы оттарско-каратауской культуры в нашей работе остались в прежних хронологических рамках, за исключением начального. По нашему мнению, начальный этап оттарско-каратауской культуры имеет хронологические рамки в пределах I в. до н.э. – III в. н.э.

В III-IV вв. происходит активное влияние джетыясарских элементов в материальной культуре изученного района, что дает основание судить об определенных этнических передвижениях в Средней Сырдарье, очевидно связанного с экологическим кризисом, повлекшим «Великое переселение народов», вследствие которого в III-IV вв. н.э. в Согде отмечается сильное влияние каунчинской, оттарско-каратауской и джетыясарской культур.

Однако, уже в IV-VI вв. в археологических комплексах Испиджабского историко-культурного района наблюдается активное влияние каунчинской культуры Ташкентского оазиса.

В VI-VIII вв. регион находится под владычеством тюркских каганов, но при этом происходит усиленное вторжение культурных традиций керамического производства Согда, что указывает на тесные историко-культурные связи населения исследуемого региона с соседями.

Арабское завоевание, которое повлияло на бытовой и политический уклад всего населения Центральноазиатского региона, внесло свои коррективы в эволюцию урбанизационных процессов Испиджаба.

Город Испиджаб на месте Сайрама возникает как форпост на крайнем востоке мусульманского мира не ранее IX века. Он строится по единой прямоугольной планировке и имеет многочисленные рабады, огражденные внешними стенами. Он, несомненно, относится к типу городищ с длинными стенами. Его топография была продиктована особенностями контактной зоны, где земледельцы ограждали свои возделанные участки, пастбища и усадьбы стенами.

Города Испиджабского округа имели высокую развитую инфраструктуру, пути сообщения, почтовую связь, торговые взаимоотношения с различными странами Востока и Запада. В населенных местах Испиджаба проживали совместно тюрки и согдийцы, обуславливая взаимодействие кочевых оседлых культур. Этот тезис находит подтверждение в сообщениях М.Кашгарского о жителях Испиджаба, говорящих как по-тюркски, так и по-согдийски.

В свою очередь, Испиджаб, являясь крупным мегаполисом, был центром соприкосновения и контакта различных религий средневековья – несторианства, зороастризма, ислама. Продолжая свои древние традиции, спустя многие годы Сайрам остается духовным центром верующих.

Таковы в общих чертах эпохальные вехи историко-культурных процессов древнего Нуджикета и средневекового Испиджаба, основные контуры культурогенеза и сложения урбанизации, проявившиеся в туманной дымке далекого прошлого.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI-начало XIII). – Алма-Ата: Наука, 1986. – 256 с.

2 Каримова Н.Э., Байтанаев Б.А. Казахстан в сочинениях китайского дипломата и путешественника Чень Чена // Новые исследования по археологии Казахстана: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 15». – Алматы, 2004. – С.227-232.

3 Abu-l-Kasim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordadbeh. Kitab al-masalik wa-l-mamalik / Ed. M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum apud E. J. Brill, 1967. Bibliotheca geographorum arabicorum. – VI. – P. – 1-183.

4 Accedunt excerptae Kitab al-Kharadj. Uactore Kodama ibn Dja'far. Lugduni Batavorum apud E. J. Brill, 1967. Bibliotheca geographorum arabicorum. – VI. – P. – 184-534.

5 Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. Viae regnorum/Ed. M.J. de Goeje, Lugduni Batavorum apud E. J. Brill, 1967. Bibliotheca geographorum arabicorum. 1. – 348 p.

6 Abu-l-Kasim ibn Haukal an-Nasibi. Opus geographicum/ Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum apud E. J. Brill, 1967 // Bibliotheca geographorum arabicorum. II. – 528 p.

7 Shamsaddin Abu Abdallah Mohammad ibn Ahmad al- Moqaddasi. Descriptio imperii Moslemici / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum apud E. J. Brill, 1967// Bibliotheca geographorum arabicorum. – III. – 498 p.

8 Волин С. Сведения арабских, персидских и тюркских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Материалы и исследования по археологии Казахской ССР. – Т.1: Труды Семиреченской археологической экспедиции: Таласская долина. – Алма-Ата, 1949. – С.174-197.

9 Бетгер Е.К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абул-Касыма Ибн-Хаукаля // Труды Средне-Азиатского государственного университета: Новая серия. – Вып.СХI: Исторические науки. – Кн.25. – Археология Средней Азии IV. – Ташкент, 1957. – С.13-40.

10 Ворожейкина З.Н. [Китаб] Масалик ал-Мамалик ал-Истахри // Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М.: Наука, 1973. – Вып.1. – С.24-34.

11 Пацевич Г.И. Памятники междуречья Талас-Арысь // Материалы и исследования по археологии Казахской ССР. – Т.1: Труды Семиреченской археологической экспедиции: Таласская долина. –Алма-Ата, 1949. – С.147-173.

- 12 Байпаков К.М. О локализации средневековых городов Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата: Наука, 1977. – С.81-93.
- 13 Кочнев Б.Д. Будухкет – Новый Казахстанский монетный двор (XI в.) // Известия академии наук Казахской ССР: Серия общественных наук. – 1986. – №1. – С.49-54.
- 14 Кун А.Л. Туркестанский альбом 1871-1872. – Алматы, 2005. –168с.
- 15 Бейсембиев Т.К. «Га'рих-и Шахрухи» как исторический источник. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 200 с.
- 16 Массон В.М. Проблемы древнего города и археологические памятники Северной Бактрии (перспективы исследования) // Древняя Бактрия. – Л.: Наука, 1974. – С.3-13.
- 17 Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Поселение эпохи бронзы в верховьях ущелья Тургень и на плато Асы // История и археология Семиречья. – Алматы, 2001. – Вып. 2. – С.112-122.
- 18 Древняя и средневековая культура Чача. – Ташкент: Фан, 1979. – 183 с.
- 19 Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайракумов: (Древнейшая история Северного Таджикистана) // Труды Института истории им. А. Дониша Академии наук Таджикской ССР. – Том. – XXXIII. – Душанбе, 1962. – 403 с.
- 20 Григорьев Ф.П. Древняя история Алматы // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия (Материалы международной археологической конференции). – Алматы, 1998. – С.260-270.
- 21 Сарияниди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. – М.: Наука, 1989. – 240 с.
- 22 Дуке Х.Туябугузские поселения Бургулюкской культуры. – Ташкент: Фан, 1982. – 95 с.
- 23 Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М.: Наука, 1962. – 324 с.
- 24 Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С.47-61.
- 25 Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963. – 299 с.
- 26 Максимова А.Г. Погребальное сооружение скотоводческих племен // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Каз.ССР: Археологические исследования на северных склонах Каратау. – Алма-Ата: Наука, 1962. – Т. XIV. – С.99-116.
- 27 Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С.31-47.
- 28 Вайнберг Б.И. Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С.116-122

29 Сарияниди В.И., Кошеленко Г.А. Мервский оазис // Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М.: Наука, 1985. – С.181-184.

30 Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда: (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века в период античности). – Ташкент, 2002. – 256 с.

31 Ягодин В.Н., Никитин А.Б., Кошеленко Г.А. Хорезм // Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М.: Наука, 1985. – С.317-337.

32 Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме IV-II вв. до н.э. / Отв. ред. Б.И. Вайнберг. – М.: Восточная литература, 2004. – 286 с.

33 Байпаков К.М., Исмагил Р., Касенов М.С. Раскопки могильника Беткайнар на Курдайском перевале // Известия Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан: Серия общественных наук. – 1997. – №1. – С.15-24.

34 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 215 с.

35 Птицын Г.В. К вопросу о географии «Шахнаме» // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. – Т.4. – Л., 1947. – С.293-311.

36 Авеста: Избранные гимны из Видевдата / Перевод с авестийского, предисловие, примечания и словарь И.М. Стеблин-Каменского. – М.: Дружба народов, 1993. – 207 с.

37 Ходжаева Н. Локализация авестийских гор Хара Березаити, рек Вахви-Датия, Ранха и моря Варукаша. – Душанбе, 2003. – 136 с.

38 Филанович М.И., Дуке Х. О древнейшем поселении на Шаштепе в Ташкенте // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1990. – Вып. 24. – С.39-49.

39 Маргулан А.Х. Комплексы Былкылдак // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С.164-199.

40 Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья: I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная литература, 1996. – 396 с.

41 Алексеева Е.М. Бусы и подвески // Археология СССР: Античные государства Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1984. – С.237-241.

42 Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Ташкент: Фан, 1982. – 212 с.

43 Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. – М.: Наука, 1971. – 250 с.

44 Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. – Алматы: БАУР, 2005. – 236 с.

45 Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. – VIIв. до н.э. – VIIIв. н.э. – М.: Восточная литература, 1999. – 359 с.

46 Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиций: Керамика Хорезма. – М.: Наука, 1959. – Т.4. – С.63-220.

47 Кой-Крылган-Кала – памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в.н.э. – М.: Наука, 1967. – 348 с.

48 Филанович М.И. Ташкент: Зарождение и развитие города и городской культуры. – Ташкент: Фан, 1983. – 230 с.

49 Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары: (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). – Алма-Ата: Наука, 1968. – 263 с.

50 Ахунбабаев Х.Г., Соколовская Л.Ф. Керамические комплексы Афрасиаба конца VII-VIII вв. // История материальной культуры Узбекистана. – Самарканд: Регистан, 1996. – Вып.27. – С.101-120.

51 Бердимуратов А.Э., Самибаев М.К. Керамические комплексы из нового согдийского храма Джартепе II // История материальной культуры Узбекистана. – Самарканд: Регистан, 1996. – Вып.27. – С.92-101.

52 Бартольд В.В. Богра-хан // Соч.: В 9-ти томах. – М.: Наука, 1964. – Т.2 (2). – С.506-508.

53 Буряков Ю.Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент: Фан, 1975. – 204 с.

54 Байпаков К.М., Григорьев Ф.П. О топографии городища Тараз // Проблемы древней и средневековой истории Казахстана. Материалы II Международных чтений по творчеству Мухаммеда Хайдара Дулати. – Алматы: Дайк-пресс, 1999. – С.50-67.

55 Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. – 186 с.

56 Байтанаев Б.А., Богомоллов Г.И. Средневековая баня из Екпинды (Предварительные итоги) // Кадырбаевские чтения: Материалы международной научной конференции. – Актобе, 2007. – С.287-293.

57 Тарих-и Рашиди // Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата: Наука, 1969. – С.185-231.

СПИСОК ОБУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

а) в изданиях, рекомендованных Комитетом по надзору и аттестации в сфере образования и науки МОН РК:

Монографии:

1 Древний Испиджаб. (Средневековые города Южного Казахстана на Великом Шелковом пути). – Шымкент-Алматы, 2002. – 110 с.

2 Древний Испиджаб. (Средневековые города Южного Казахстана на Великом Шелковом пути). – Издание второе, переработанное и дополненное.– Шымкент-Алматы, 2003. – 136 с.

б) в специализированных научных журналах и изданиях Республики Казахстан:

3 К вопросу локализации Арсубаникета (историко-лингвистический анализ) // Известия Академии наук Казахской ССР: Серия филологическая. – 1991. – № 3. – С. 31-37.

4 От Испиджаба до Будухкета (археолого-лингвистический анализ) // Известия министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной Академии наук Республики Казахстан: Серия общественных наук. – 2002. – №1. – С165-181.

5 Вопросы локализации Гаркурда-Газгирда // Известия министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной Академии наук Республики Казахстан: Серия общественных наук. – 2003. – №1. – С. 126-137.

6 Каменное изваяние из Ушбулака // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан: Серия общественных наук. – 2004. – №1. – С.77-81.

7 Стратиграфия поселения Бургулюк-2 и некоторые вопросы генезиса ранних поселений Южного Казахстана // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан: Серия общественных наук. – 2005. – №1 – С. 88-107.

8 Стратиграфия поселения Улыктобе // Вестник Международного института Центральноазиатских исследований – ЮНЕСКО. – Самарканд-Бишкек, 2005. – №2. – С.14-20.

9 Раскопки в рабаде средневекового Испиджаба // История материальной культуры Узбекистана. – Самарканд: АН РУз, 2006. – Выпуск №35. – С. 233-238.

10 Культура скотоводческих племен предгорья Каржантау // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан: Серия общественных наук. – 2006. – №1. – С.34-36

11 Бадухкет или Балхкет (К вопросу локализации средневекового топонима) // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Серия востоковедения. - 2006. – №4. – С.17-20.

12 К вопросу о позднесредневековой фортификации Шымкента // Вестник университета «Кайнар». – 2006. – №4/2. – С.5-7 (в соавторстве Авизовой А.К.)

13 Стратиграфия поселения Мартобе // Казахская цивилизация, Университет «Кайнар». – 2006. – №4 . – С.73-74.

14 Хронология рабада Сайрама у мавзоля Ходжа Салих // Вестник университета «Кайнар» . – 2006. – №4 . – С.16-17.

15 Изучение средневековых рабадов Шымкента // Казахская цивилизация, Университет «Кайнар» . – 2006. – №4 . – С.27-31

16 Стратиграфия городища Тортколтобе // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Серия историческая. – 2006, №4. – С.119-122.

17 Стратиграфия и хронология поселения Кайтпас-1 // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби: Серия историческая. – 2006. – №4. – С.116-119.

18 Стратиграфия городища Шымкент (Предварительные итоги полевых работ 2004 г.) // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан: Серия общественных наук. – 2006, №1. – С.146-153 (В соавторстве с Сулеймановым Р.Х., Грищенко А.Н., Сейтжановым М.)

19 Позднесредневековый Шымкент // Научный мир Казахстана. – Астана, 2006. – №1. – С.58-61 (в соавторстве с Авизовой А.К.).

20 К вопросу о топографии и стратиграфии городища Сайрам // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан: Серия общественных наук. – 2007. – №1. – С.62-81.

21 Вопросы локализации Дахкета // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. – серия: востоковедения. – 2008. – №3 (в печати)

22 Мечеть Хызыр-Пайгамбара в селе Сайрам // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан: Серия общественных наук. – 2008. – №1. – С.129-140 (в соавторстве с Богомоловым Г.И., Ергешбаевым А.).

в) в других изданиях

23 Гидроним «Арысь» и вопросы локализации Арсубаникета // Маргулановские чтения: Сборник материалов конференции. Алма-Ата, 1989. – С.250-252.

24 Гидронимические параллели Южного Казахстана и Поволжья. // Шестая конференция по ономастике Поволжья. Тезисы докладов и сообщений. – Волгоград, 1989. – С.114-115 (в соавторстве с Поповой В.Н.).

25 К этимологии гидронима «Арысь» // Шестая конференция по ономастике Поволжья. Тезисы докладов и сообщений. – Волгоград, 1989. – С.65-66.

26 Қараспан төбенің құпиясы // Зерде. – 1990. – №4. – 42-44б

27 Археологические памятники с названием на – «кан» среднего течения Сыр-Дарьи и предгорьев Каратау // Валихановские чтения (тезисы республиканской конференции 25-28.Ш.1992). – Кокшетау, 1992. – С. 251-253.

28 Гидронимические параллели Южного Казахстана и Поволжья // Ономастика Поволжья: материалы шестой конференции по ономастике Поволжья. – Москва, 1992. – Часть 2. – С. 107-116 (в соавторстве с Поповой В.Н.).

29 Историческая топонимика Южного Казахстана (регион и культура). Библиографический указатель. – Чимкент, 1992. – 34 с.

30 К этимологии гидронима «Арысь» // Ономастика Поволжья: Материалы VI конференции по ономастике Поволжья. – Москва, 1992, – Часть II. – С. 124-137.

31 О несторианском топониме «Гаргирд» // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. – Шымкент, 2001. – С. 21-35

32 К этимологии оронима Казыгурт // Труды международной научно-практической конференции «Ауезовские чтения – 3». – Шымкент, 2001. – Т.1. – С. 82-84

33 Paleonyms // 21 st International congress of onomastic sciences. - Uppsala, 2002. – P. 7.

- 34 Вопросы локализации Будухкета // Вестник Международного Казахско-Турецкого университета и. Х.А.Ясави . – 2002. – № 1. – С.40-51
- 35 Персонажи библейской и коранической мифологии Сайрама // Вестник Международного Казахско-Турецкого университета и. Х.А.Ясави. – 2002. – №3. – С.60-65 (в соавторстве с Елгиным Ю.А.).
- 36 Вопросы локализации Испиджаба (археолого-лингвистический анализ) // Археологическое исследование в Казахстане: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 14». – Шымкент – Алматы, 2002. – С.97-104
- 37 Работы археологической экспедиции ЮКГУ им. М. Ауезова в урочище Бургулюк в 2001 г. // Археологическое исследование в Казахстане: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения–14». – Шымкент – Алматы, 2002. – С.75-78 (в соавторстве с Жолдасовым С. и Шабановым Е.И.)
- 38 Стратиграфия и керамика поселения Бургулюк-1 // Археологическое исследование в Казахстане: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 14» . – Шымкент-Алматы, 2002. – С.92-96 (в соавторстве с Жолдасовым С. и Турадиловым М.У.)
- 39 О библейских и мусульманских агионимах старого Сайрама // Археологическое исследование в Казахстане: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 14». – Шымкент-Алматы, 2002. – С.227-231 (в соавторстве с Елгиным Ю.А.).
- 40 Исследование памятника бронзового и раннежелезного века предгорья Каржантау (Предварительные результаты археологической экспедиции ЮКГУ им. М. Ауезова 2002 года) // Археологическое исследование в Казахстане: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 14 ». – Шымкент-Алматы, 2002. – С.249-251.
- 41 К истории освоения районов северных склонов Каржантау Южного Казахстана // Цивилизация Центральной Азии: земледельцы и скотоводы, традиции и современность: Тезисы докладов международной научной конференции. – Самарканд, 2002. – С.33-34 (в соавторстве Сулеймановым Р.Х., Жолдасовым С.З., Саурыковым Е.)
- 42 Две находки из Теректы // Культурное наследие Южного Казахстана (сборник статей, посвященный 80-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея). – Шымкент, 2002. – С.39-45
- 43 Вопросы локализации Хурлуга // Наука и образование Южного Казахстана: Серия «Педагогические и гуманитарные науки». – Шымкент, 2004. – С. 171-174 (в соавторстве с Грищенко А.Н.)
- 44 Казахстан в сочинениях китайского путешественника и дипломата Чень Ченя // Новые археологические исследования в Казахстане: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 15». – Алматы, 2004. – С.227-232 (в соавторстве с Караимовой Н.)
- 45 Первое поселение эпохи бронзы Южного Казахстана (Итоги археологических работ ЮКГУ им. М.О.Ауезова 2003 г.) // Археология и история Центральной Азии: Сборник научных трудов, посвященный 70

летию академика Ю.Ф.Бурякова.– Самарканд,2004.– С.45-53 (в соавторстве с Грицина А., Богомоловым Г.)

46 Исследование могильника Бургулюк-2 (Итоги археологических работ ЮКГУ им. М.О.Ауезова 2003 г.) // Археология и история Центральной Азии: Сборник научных трудов, посвященный 70 летию академика Ю.Ф. Бурякова. – Самарканд, 2004. – С.39-45 (в соавторстве с Грицина А., Богомоловым Г.).

47 Вопросы локализации Нуджикета // Новые археологические исследование в Казахстане: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 15». – Алматы, 2004. – С.227-232.

48 Древнетюркские религиозные воззрения и каменное изваяние из Ушбулака// Наука и образование Южного Казахстана, 2005.– №2 (42). – С. 34-37.

49 Раскопки городища Шымкент // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2004 г. – Алматы, 2005. – С. 170-174.

50 Шымкент қала жұртындағы қазба жұмыстары// Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2004 жылы археологиялық зерттеулер жайлы есеп. – Алматы, 2005. – 70-73 б.

51 Археологические исследования городища Шымкент // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 г. – Алматы, 2005. – С.311-314.

52 Шымкент қала жұртындағы археологиялық зерттеулер // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2004 жылы археологиялық зерттеулер жайлы есеп. -Алматы, 2005. – 154-157 б.

53 Культурные связи округа Испиджаб и Согда в древности и средневековье // Роль города Карши в истории мировой цивилизации. – Ташкент-Карши, 2006. – С.83-85. (в соавторстве с Байпаковым К.М.).

54 Канг и Согд. (Взаимодействие мифологических и обрядовых традиций) // Туран – Туркестан: проблемы культурно-исторической преемственности. Древность средневековья: Материалы международной научной конференции, посвященной 10-летию деятельности Туркестанской археологической экспедиции. – Туркестан,2006. – С.234-237 (в соавторстве с Сулеймановым Р.Х.).

55 Раскопки городища Шымкент// Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2006 году. – Алматы, 2007. – С.201-203.

56 Шымкент қалашығындағы археологиялық қазбалар // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2006 жылы археологиялық зерттеулер жайлы есеп. – Алматы, 2007. – 93-95 б.

57 Средневековая баня из Екпинды (Предварительные итоги)// Кадырбаевские чтения: Материалы международной научной конференции. – Актобе, 2007. – С.287-293 (в соавторстве с Богомоловым Г.И.).

58 О некоторых особенностях мемориального зодчества Сайрама // Кадырбаевские чтения: Материалы международной научной конференции.– Актобе, 2007.– С.341-34 (в соавторстве с Елгиным Ю.А.).

59 Новые археологические исследования оборонительной стены городища Шымкент // Труды международной научно-практической конференции «Ауезовские чтения – 6». – Шымкент, 2007. – Т. – 5. – С.77-80 (в соавторстве с Сулеймановым Р.Х., Авизовой А.К.).

60 Глиняный амулет-сапожок из Сайрама XI-XII вв. // Восток – Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии. – Выпуск-8. – Казань, 2007. –141-144. (в соавторстве с Яценко С.А.).

61 Islamic architecture on the territory of south Kazakhstan // *Oriente Moderno*, XXVI n.s. (LXXXVII), 1, Roma, 2007, P. 35-53 (в соавторстве с Елгиным Ю.А.)

62 Археологические исследования городища Шымкент// Актуальные проблемы исторических дисциплин в системе образования Казахстана: Материалы II международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Шымкентского педагогического института.- Шымкент, 2008. – С.202-205 (в соавторстве с Сулеймановым Р.Х., Авизовой А.К.)

63 Испиджаб – Ұлы жібек жолындағы қала және аймақ // Материалы международной научной конференции «Роль степных городов в цивилизации кочевников» посвященной десятилетию г. Астаны, 2 июля 2008 г.– Астана, 2008. – С. 315-321 (в соавторстве с Байтанаевой Ю.А.).

БАЙТАНАЕВ БАУЫРЖАН ӘБШҰЛЫ

Көне және ортағасырлық Испиджаб

07.00.06 – археология мамандығы бойынша тарих ғылымдарының докторы ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация жөніндегі

ТҮЙН

Зерттеудің мақсаты мен міндеттері. Диссертациялық зерттеудің негізгі мақсаты – Испиджаб аймағындағы қала мәдениетінің орнығуын және кенттенудің зерттеу болып табылады. Негізгі мақсатқа сәйкес зерттеудің томендегідей міндеттері белгіленген: мәліметтерді жүйелеу, әртүрлі деректерді, көпшілігі алғаш рет ұсынылып отырған – археологиялық материалдарды талдау; испиджаб тарихының Орталық Азияның басқа аймақтарымен салыстырғанда аз зерттелген, не тіптен зерттелмеген мәселелерін дәлдеу, нақтылау; Испиджаб ескерткіштеріне стратиграфиялық зерттеу жүргізу барысында алынған жаңа деректерді жүйелеу, олардың типологиялық классификациясы мен хронологиялық кешендерін айқындау; Қоғамдық-саяси және әлеуметтік-экономикалық тарихының өзекті мәселелерін зерттеу; Аталмыш аймақтың мәдени тектілік ерекшеліктер мен негізгі заңдылықтарын анықтау; конеден ортағасырға дейінгі аралықтағы Испиджаб тарихи-мәдени ауданындағы этномәдени үдерістердің сипаттамасы ретінде алынған мәліметтерге жалпы шолу жасау.

Зерттеудің өзектілігі. Қазақстандағы, әсіресе, Отырар оазисіндегі археологиялық ізденістер отандық қала мәдениетінің тарихы туралы мәліметтердің шеңберін кеңейтті. Алайда, Қазақстан тарихының көптеген оқиғаларына қатысы бар, ежелден жазба деректер бойынша белгілі Испиджаб тарихи-мәдени аймақ археология ғылымы тұрғысынан назардан тыс қалып отырды. Шаштан Қашқарға дейінгі кеңістікті қамтитын ортағасырлық аймақтың ірі әкімшілік орталығы – Испиджабтың археологиялық ескерткіштерін зерттеу – Қазақстанның қала мәдениетінің дамуының генезисіні мен динамикасына қатысты бірқатар маңызды мәселелерді шешуге септігін тигізері анық.

Зерттеудің ғылыми жаңалығы. Алғаш рет Испиджаб аймағының кейінгі қола дәуірінен ортағасырға дейінгі кезеңдегі тарихи-мәдени дамуының динамикасын қарастыру – зерттеудің ғылыми жаңашылдығы болып табылады.

Диссертацияда археологиялық, топонимикалық, тарихи-географиялық және жазба деректерді талдау негізінде ортағасырлық жазба деректерде айтылып кеткен Испиджаб аймағының қалалары мен елді мекендерінің тарихи археологиялық ескерткіштермен сәйкестендіру толық дәрежеде жүргізілді.

Зерттеу жұмысында алғаш рет Сайрам, Шымкент қалашықтарының толық стратиграфиялық сипаттамасы берілді. Бұл ескерткіштердің стратиграфикалық қабаттары зерттелініп отырған аймақтың, сондай-ақ, көршілес мәдени-тарихи аймақтардың өзге де ескерткіштерімен синхронды тұрғыда салыстырылды. Жаңа археологиялық кешендер анықталып соның негізінде аймақтың кенттендірілуінің алғашқы сатыларында өткен этномәдени үрдістері өзгеше жаңа қарастырылды.

Қорғауға ұсынылатын тұжырымдар. Испиджаб тарихи-мәдени ауданының зерттелу тарихы; Ортағасыр кезеңіндегі Испиджаб округінің тарихи-географиялық жағдайын анықтау және дәлдеу; Испиджаб, Нуджикет, Дахкет, Хурлуг, Арсубаникет, Бадухкет, Гаркурд қалажұрттарының баламалануы; Керуен жолдарының баламалануы; Испиджаб аумағын адамның игеруінің тарихи аспектідегі динамикасы мен кезеңдеуі; Испиджабтағы этномәдени үрдістердің эволюциясы мен генезисінің ерекшеліктері мен заңдылықтары; Испиджабтың көне және ортағасырлық ескерткіштерінің типологиясы мен құрылымы; Испиджаб тарихи-мәдени ауданының кейінгі қола дәуірінен ортағасырға дейінгі (қосып алғанда) қалалық мәдениетінің дамуының динамикасы мен өзектері.

Зерттеудің нәтижелері. Шымкент қала жұртынан алынған стратиграфиялық қабаттарды басқа көршілес тарихи-мәдени аудандар кешендерімен синхрондау б.з.д. III ғ екінші жартысынан XX ғ дейінгі (қосып айтқанда) аймақтың материалдық мәдениетін көрсетеді. Ортағасырлық Бадухкет қаласының орны Төрткөл төбе Балықшы қалашығы болғаны анықталды. Испиджабтан Бадухкетке Шаваб арқылы өтетін керуен жолы нақты айқындалды. Испиджабтан Джумушылыққа баратын жолдағы Хурлуг қаласының орны анықталды. Испиджабтан Шашқа баратын керуен жолында Гаркурт қаласы орны айқындалды.

Жұмыста археология, тарихи география және топонимика материалдары бойынша Арсубаникет қаласының Кенджид округімен қоса мекен жайына талдау жүргізілді. «Шахнаме» Канхасы шынайы тіршілік еткен географиялық объект екені анықталды. Ол Гунюй Сюань-цзаньға теңестірілді және оның орны Жуантөбе қала жұртында екені анықталды.

Испиджаб қала мәдениеті генезисінің қола дәуірінен бастап ортағасырға дейін негізгі кезеңдері анықталды. Бұл мәліметтер оның алғашқы тұрақтану құрылымының қалыптасуында «қоныстықтан» мекендікке өту кезеңінде автохтонды (жергілікті) және Соғды мен, Арал маңайынан келген этникалық компоненттердің орны, аймақтың отырықшылану және кенттену мәселесіне жаңаша қарауға мүмкіндік берді.

SUMMARY

Dissertation for the doctoral degree in historic sciences
Speciality 07.00.06 – archaeology

BAITANAYEV BAUYRZHAN

The ancient medieval Ispidzhab

Aims and purposes of the research. The basic purpose of dissertational research is studying of origin of urbanization and becoming of city culture of Ispidzhabian district. Ordering of data and the analysis of a various sort sources, mainly – of archaeological materials, in the majority presented for the first time. Concrete definition of insufficiently known explored or absolutely known explored problems of history of Ispidzhab are not mentioned by researchers in interrelation with other areas of the Central Asia. Ordering of the new data received at stratigraphical researches of monuments of Ispidzhab, their typological classification and allocation of chronological complexes. The researches of pressing questions of political and social and economic history. Studying of features and the basic laws of culture genesis of the region. Generalization of the received data for the characteristic of ethno cultural processes as complete phenomena in Ispidzhabian historical and cultural area, during a long interval of time - from an antiquity before the Middle Ages inclusive.

Actuality. The wide archeological researches in Kazakhstan, especially in Otyrar oasis, have considerably expanded data on history of city culture of Kazakhstan. Meanwhile, earlier known on written sources the ancient historical and cultural area Ispidzhab, with this name many events and even the whole marks of history of Kazakhstan are connected, long years remained indifferently to archeological science. Undoubtedly, studying of Ispidzhab monuments of archeology, in the past of the center of large medieval administrative district which territory reached from Shash up to Kashgar, is called to answer on many key questions of genesis and dynamics of development of city culture of Kazakhstan.

Scientific novelty of the given research: the dynamics of historical and cultural development of district Ispidzhab for the first time is considered in the research, since an epoch of the late Bronze and till the Middle Ages.

Full localization of cities and occupied places of Ispidzhab district mentioned in medieval written certificates is lead in dissertation on the basis of the analysis of archeological, toponymy, history-geographical and written sources.

Full stratified description of sites of ancient settlements Sairam and Shymkent for the first time is presented in the work. Stratigraphical columns of these monuments are synchronized with other monuments of studied region, and also with the neighboring historical and cultural areas. The new archeological complexes which have enabled differently look at questions of the ethno-cultural processes occurring at the initial stages of urbanization of the region are revealed on the basis of these works.

Points considered for the defense of the work:

- the history of studying Ispidzhabian historical and cultural area;
- specification and definition of history-geographical situation of Ispidzhab district in the epoch of the Middle Ages;
- localization of Ispidzhab;
- localization of Nudzhiket;
- localization of Dahket;
- localization of Khurlug;
- localization of Arsubaniket;
- localization of Baduhket;
- localization of Garkurd;
- localization of the caravan ways;
- the periodization and dynamics of Ispidzhab district development by human in historical aspect;
- the regularities and features of genesis and evolution of ethno-cultural processes of Ispidzhab;
- the structure and typology of ancient and medieval archeological monuments of Ispidzhab;
- the sources and dynamics of development of city culture of Ispidzhabian historical and cultural area since an epoch of the late Bronze till the Middle Ages inclusive.

Results of the research. The stratigraphical column received from a site of ancient settlement Shymkent, its synchronization with other complexes from the neighboring historical and cultural areas, characterizes material culture of region, since the second half of III century AD and till XX century inclusive.

The medieval city of Baduhket is localized on a place of site of ancient settlement Tortkol'tobe – Balykshy. The caravan way from Ispidzhab to Baduhket through Shavab is precisely established. The city of Hurlug is localized on a way from Ispidzhab to Dzhumushlyga. Garkurt was defined on caravan ways from Ispidzhab to Shash.

The analysis of a site of the city of Arsubaniketa with district Kendzhida is made in work on materials of archeology, historical geography and toponymy. It is established, that Kanha "Shahname" is really existed geographical object. It is identical to Gunyui Syuan Tsan and is localized on a place of site of ancient settlement Zhuantobe.

The basic stages of genesis of Ispidzhab city culture, beginning from the epoch of Bronze to the Middle Ages inclusive are revealed. They have allowed to look in a new fashion at questions of settled way of life and urbanization of region where in folding of the first settling structures, at a transitive stage from "nomad camp" to settlements played as autochthonic, and alien ethnic component from Sogda and Priaral. So, comparing with finds of burial grounds of Burgulyuk - 2, 4 with material culture of the urbanized centers of Central Asia, it is found out, that influence of Sogdian factor on material culture of region is observed in IV century AD, and from III-II cc. up to AD occurs invasion of Sarmatian ethnic component.

